

СОДЕРЖАНИЕ

1. **БЕРЕСТЯНОЙ НОС**
2. **ПОЧЕМУ СОВЫ НА МЫШЕЙ ОХОТЯТСЯ**
3. **ХОЧУ НЕ ХОЧУ**
4. **«ЛЕГЕНДА О КЕДРЕ»**
5. **«Легенда о лиственнице»**
6. **«Про кота и лесной дом»**
7. **«Трясогузка»**
8. **«Запрет»**
9. **Лось и выдренок**
10. **ЧЕЙ ДОМ ЛУЧШЕ**
11. **«Как ворон землю мерил»**
12. **«Ими-хиты»**
13. **Как щука себе голову сделала**
14. **ТРУСЛИВЫЙ ЗАЯЦ**
15. **КОМПОЛЭН — БОЛОТНЫЙ ДУХ**
16. **Гордый олень**
17. **Лось**
18. **Медведь и бурундук**
19. **Сам себя наказал**
20. **Про двух собак**
21. **Мышонок-путешественник**
22. **Отчего у зайца длинные уши**
23. **Как собака себе товарища искала**
24. **Хлебушко**
25. **Как луна на землю приходила**
26. **КАК КУКЛА ДРУЗЕЙ ИСКАЛА**
27. **Два медведя**
28. **Олень**
29. **Кит и олень**
30. **КАК ОЛЕНЬ К ЧЕЛОВЕКУ ПРИШЕЛ**
31. **Домашний и дикий олень**
32. **Кто оленя научил быстро бегать.**
33. **Олень и его товарищ.**
34. **КАК ОКУНЬ ПОЛОСАТЫМ СТАЛ**
35. **ЗАЙЧОНОК И КОМПОЛЭН**
36. **Умный Сойтын**
37. **ОТКУДА СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ПОШЛО**
38. **Как ворон и сова друг друга покрасили**
39. **Камень, Ручей, Сосулька и Солнце**
40. **Как появились разные народы (долганская сказка)**
41. **ЖЕНЩИНА-КУКУШКА**
42. **Маснэ и зайчонок**
43. **Умная сова**
44. **Ворона и сорока**
45. **Большое путешествие маленького мышонка**
46. **Про Северный ветер**
47. **Старик в перьях**
48. **Как росла земля**
49. **Ершишка-воришка**
50. **ОЛЕШЕК—ЗОЛОТЫЕ РОЖКИ**
51. **КАК НА ЗЕМЛЕ ПОЯВИЛИСЬ КОМАРЫ ДА МОШКИ**
52. **ГЛУХАРЬ И ДИКИЕ ЛЕБЕДИ**
53. **ПОХИЩЕННАЯ ПЕСЕНКА**
54. **МИРЭГДЫ**
55. **Чинк и Ча**
56. **Семечко**
57. **Каждый другом силен**

БЕРЕСТЯНОЙ НОС

Мансийская сказка

Как-то вечером сказал старик своей старухе:

— Насуши сухарей. Давно я не охотился. Завтра с утра в лес пойду.

Старуха заворчала:

— Незачем ходить. Стар ты стал. Хочешь, чтобы менквы, лесные духи, та тебя съели?!

Старик отвечает:

— Менквы не менквы — всё равно пойду.— И лёг спать.

Утром встал, спрашивает:

— Насушила сухарей?

— Не насушила,— отвечает старуха.— Не пойдёшь ты в лес.

— Пойду! — говорит старик.

— Не пойдёшь! — упрямится старуха.

Так полдня и проспорили.

Солнце уже стало на другую половину неба клониться, когда старик из дому вышел. До его лесной избушки, где он смолоду, охотясь, бывало, неделями жил, далеко идти. Солнце село, смеркается. Вскоре совсем стемнело, а он до своей избушки ещё не добрался. Шагает, думает: «А ведь верно старуха говорила — съедят меня менквы! Лучше бы не ходил».

Такой страх его берёт, что ноги трясутся. Однако идёт. В избушке, думает, не так страшно. Теперь уже близко.

Вдруг видит — сквозь деревья огонёк мерцает. Подошёл поближе — это в его избушке окошко светится. «Значит,— думает старик,— какой-то охотник раньше меня забрёл. Вот хорошо, вдвоём переночуем». Но всё-таки сразу входить не стал, сначала в окошко заглянул.

Ох, страх-то какой! Сидят у очага два огромных менква с голыми волосатыми ногами. Один сдирает шкуру с красного зверя, другой — с чёрного. Шарахнулся старик от окошка, наступил на берёзовый сук. Крак! - сук сломался.

— Ой! - вскрикнул один менкв грубым голосом.

— Ай! - подскочил второй.

А старик опять к окошку. Смотрит, слушает.

— Чего это мы так боимся? - спрашивает первый менкв, а сам весь дрожит.

Второй отвечает:

— Не знаю, чего боимся. Разве есть на земле кто-нибудь больше нас? Разве есть кто-нибудь сильнее нас? - И тоже весь дрожит.

— А что это было? - спрашивает первый менкв.

— Видно...— отвечает второй,— это берёзовый сук треснул.

— Ох, не говори, у меня сердце от страха лопнет! Ну-ка скажи ещё раз, что это было?

— Сук берёзовый треснул!

— С чего бы ему треснуть?!

Старик за окошком думает: «Неизвестно, кто кого больше боится. А кто сейчас больше испугается — посмотрим!»

Отодрал он кусок берёсты, свернул трубкой, к носу приставил.

Длинный - предлинный у него получился. Потом просунул старик

голову в окошко и закричал низким голосом:

— А вот и Берестяной Нос в гости пришёл! У-гу-гу-у!

Вскочили менквы, кинулись к выходу. Дверь из избушки вышибли, бросились бежать. Только топот по ночному лесу раздаётся.

Старик двери назад приладил. В избушку вошёл, спать лёг.

Охотиться не охотился, а шкуру красного зверя — лисы и шкуру чёрного зверя — куницы домой принёс. Отдал старухе, сказал:

— А ты говорила: не ходи! Эх ты!

ПОЧЕМУ СОВЫ НА МЫШЕЙ ОХОТЯТСЯ

Хантыйская сказка

Уговорились Воробей и Мышка вместе на зиму запасы делать. Нашли надёжное место — дупло в берёзе и принялись складывать туда, кто что найдёт.

Воробей принёс толстого жука и кедровых орешков, Мышка — сладкий корешок. Воробей положил в дупло рассыпчатую ягоду шиповника да кисть мороженой брусники, Мышка — сушёную рыбку-малька. Доверху дупло заполнили. Отверстие берёзовой корой прикрыли, да так ловко — никто и не догадается, что у Воробья с Мышкой тут амбар.

Зима пришла холодная, голодная. Однажды Воробей летал-летал, нигде ни крошки не нашёл. Совсем замёрз и под дерево пихту упал. Увидел отверстие в снегу, Мышкины следы заметил и вспомнил про амбар. Думает: «Спрошу у Мышки, не пора ли дупло открыть да запас делить».

Долго стучал Воробей, Мышку кликал. Лапки заморозил, клюв об наст отшиб. Еле дозвался.

Выскочила Мышка сердитая. Сонные глаза лапками трёт и кричит:

— Почему в такую стужу сам не спишь и мне не даёшь?!

— Какой уж тут сон?— отвечает Воробей.— Изголодался я.

— А ты поешь, - советует мышка.

— Весь лес облетел, не нашёл еды,— жалуется Воробей.— Не пора ли нам амбар открыть, подкрепиться, силы восстановить?

Мышка говорит:

— В дупле ничего нет. Я днём боюсь выбегать, подумала, что ты один всё съешь. Перетаскала запас в свои земляные кладовки.

Воробей просит:

— Тогда принеси мою долю.

Мышка отвечает:

— В моих кладовых темно, не разобрать, где твоя доля.

Шмыгнула в норку под пихту — и была такова.

А на пихте, оказывается, сидела Сова и весь разговор слышала. Пожалела она Воробья, поделилась с ним своими запасами. Сбросила ему на снег мороженых червяков да сушёных жуков. Повеселел Воробей, клюёт корм внизу под деревом.

Мышка почуяла еду, выскочила из норки — и давай крошки подбирать.

А Сова говорит:

— Совсем совесть потеряла!

Мышка и внимания не обращает.

Прямо из-под носа у Воробья еду выхватывает.

Решила Сова проучить её. Но пока с вершины спускалась, Мышка шмыгнула в норку и по своим подземным коридорам далеко убежала. С тех пор совы на мышей охотятся

ХОЧУ НЕ ХОЧУ

Хорошо жили Заяц с Зайчихой. И поесть у них было что, и попить родниковой воды хватало. Только вот детей у них не было.

Каждый день они приводили к себе чужих детей, обмывали их, причёсывали, приглаживали и угощали самым вкусным угощением.

Как-то пригласили в гости бабушку Рябчиху с её внучатами. Поглядела бабушка Рябчиха на Зайца с Зайчихой, как они любят да голубят чужих детей, и сказала:

— Будет у вас, Заяц и Зайчиха, сын, обязательно будет.

И правда, скоро у Зайца и Зайчихи родился Зайчонок Туй-тсам — Снежок.

Родители обрадовались: мать от сыночка не отходит, ночи не спит, ану — люльку качает, колыбельные песни напевает.

Сынок растёт быстро — вот уже лесные звери ему ножки подарили, птицы, что с юга вернулись, на крыльях ему язык принесли. Но вот беда: сыночек и не играет, и не ест, всё капризничает, ко всему, что увидит, лапки тянет да кричит:

— Нирам, нирам! Хочу, хочу-у-у! Дадут ему то, что просит, он подержит, посмотрит и снова кричит:

— Ат танхеюм! Не хочу-у-у! Мать без устали уговаривает сыночка, отец без отдыха по лесу носится, сочные листочки собирает. Придёт из леса с полной ношей, устанет, еле-еле на - ногах держится и - к сыночку:

— Снежок, смотри, какие вкусные листочки щавеля я тебе принёс, попробуй.

Попробует Снежок листочки щавеля и закричит:

— Ат танхеюм! Не хочу-у-у!

Отец очистит от кожицы молодые стебельки дудника, подаст сыну:

— На-ко, сынок, это самые вкусные стебельки: их даже лоси едят, чтобы быть большими да сильными.

Зайчишка откусит, не разжует и не проглотит, а снова кричит:

— Не хочу-у-у! Как-то отец и говорит:

— Ну, вот что, завтра все пойдём в лес. Ты, Снежок, погуляешь, поиграешь со зверями, поищешь по своему вкусу пицци и аппетитно поешь.

Пошли они в лес. Снежок не играет со зверятами, не ищет пищу себе, кричит:

— Не хочу гулять! Хочу домой, хочу-у-у!

Услышала его тётушка Лиса, неслышно к нему подошла, стоит, улыбается, своим хвостом поигрывает: то так его повернёт, то эдак, то с мордочки комариков смахнёт.

Увидел Снежок хвост тётушки Лисы и реветь перестал. Стоит смотрит на

пышный хвост. Смотрел-смотрел, сорвался с места, к отцу с матерью побежал. Прибежал, посмотрел на их хвостики и сказал:

— Ай-е-хась, ой-ёо, папа с мамой у меня безхвостные.

И, чтобы рассмотреть свой хвост, начал кружиться вокруг себя.

Кружился-кружился — не увидел своего хвоста.

Присел, потянул лапкой, нащупал свой хвостик-пуговку и заревел:

— Не хочу, не хочу такой хвостик! Хочу такой хвост, как у тётушки Лисы.

Уговаривают его отец с матерью, а он и слушать родителей не хочет, на весь лес кричит:

— Танхеюм! Танхеюм! Хочу-у-у! Хочу-у-у!

Тётушка Лиса подошла к нему и говорит:

— Ну, полно кричать, так и быть, подарю уж тебе свой старый хвост.

Принесла она свой старый, потрёпанный хвост и пришила к хвостику Зайчишки кедровым мятым корнем, легонько его шлёпнула, потом подтолкнула и сказала:

— Ну, побегай, похвастайся новым хвостом.

Снежок рванулся с места, побежал к отцу с матерью, обежал вокруг них, потом покрутился вокруг себя — поиграл хвостом и побежал с радостным криком в лес:

— Эй, звери-и-и, посмотрите, какой большой и красивый у меня хвост! Вы никогда не видали у зайцев таких хвостов!

А звери только смеялись над хвастуном.

Проголодался Зайчишка, схватил по пути щавель. Вкусно. Дальше бежит, только хвост мелькает меж стволами деревьев. Увидел его зоркий Орёл в небе, снизился, схватил Снежка за хвост и понёс к себе на обед.

Зайчонок испугался и закричал:

— Ай-ее, ой-ёе, что это такое? Хвост, ты куда меня несёшь? Бьёт лапками Зайчонок, крутится на хвосте. Трепыхался - трепыхался и упал на землю. Сидит, трёт ушибленные места и говорит:

— Нет, хоть и мал хвост, да мой. Большой хвост, да чужой.

«ЛЕГЕНДА О КЕДРЕ»

Жили на земле только люди и кедры. Кедров росли до неба... Люди совсем не росли. Холод на людей шел. Болезнь на людей шла. Это Северный Старик болезней зло рассыпал... Больно деревьям смотреть на людей стало, оставлявшим свою жизнь. Корни мощные кедры из земли вытащили. В сторону Севера на защиту людей пошли. Холод их бьет — не шелохнутся. С каждым разом крепче становятся. Не выдержал Северный Старик, отступил. Но кедром

отомстил. Заколдовал их.

С тех пор, если человеку холодно, Кедр чувствует.

Если человеку больно, Кедр чувствует. Вот и тяжело ему. Не за себя, за других - тяжело. Так и живут кедры.

Кедр - долгожитель. Он живет 400-500 лет. Кедр начинает плодоносить в 60-80 лет

«Легенда о лиственнице»

В давние времена это было... Человек на человека войной пошел. Кровь лилась...и взмолились женщины и дети: «О, небо! Помоги!»

Посмотрело небо: человек на человека войной идет, селение на селение...

Разрыдалось оно от горя. Слезы на землю хлынули... На мертвого упадут - мертвый живой становится, да в дерево превращается.

Так появились на земле лиственницы. Не деревья они – воины погибшие. Летом наш мир наблюдают - зеленым деревом живут. Зимой прошлое вспоминают – от горя хвоинки роняют.

«Про кота и лесной дом»

Жили старик со старухой. Был у них кати -кот.

Однажды кати убежал в лес. Бродил-бродил кати по лесу. Наступила осень, стало холодно, а он все бродит по лесу, ищет теплый уголок, куда можно было бы спрятаться. Так, бродя по лесу, встретил он кутюв -собаку и говорит ему:

—Осень наступила, холодно стало, построим себе дом.

—Не буду. Что я с домом буду делать? — отвечает кутюв - собаку. — Я в любом месте укроюсь.

Побрел кати дальше. Долго ли, коротко ли бродил по лесу, встретил мис-корву и говорит ей:

—Эй, мисс, давай выстроим дом.

—Ну что я с домом буду делать? — говорит мис - корову.

— Я сделаю какое-нибудь гнездо из сена и лягу в него.

Опять кати пошел бродить. Долго ли, коротко ли бродил, встретил лув-лошадь.

—Давай-ка, приятель, построим дом.

—Что я буду делать здесь с домом? Я в любом месте построю, - ответил ему лув - лошадь.

—Коли так, — сказал кати, — пойду и построю дом один.

Стал строить дом. Построил его, вошел внутрь, забрался на печку и лег там.

Пришла зима. Лежит кати на печке, кости греет. Однажды слышит он чьи-то шаги. Подошел к двери, стал окликать, оказывается, собака пришла.

— Я замерзаю! — кричит кутюв - собака. — Впусти меня в дом. Если на тебя нападут, я буду лаять и кусаться.

— А когда я звал тебя вместе дом строить, ты не пошел!

Так они разговаривают, вдруг мисс-корова бежит.

— Впусти меня! — говорит мисс - корова — Если на тебя нападут, я буду мычать и бодаться.

Кот говорит:

— Я тебя звал дом строить, ты не пошел!

В это время пришла лув - лошадь:

— Впусти меня! Если на тебя нападут, я буду лягаться и кусаться.

Кати говорит:

— Ну-ну, входите-входите.

Вошли они. Долго ли, коротко ли жили. Ходили в это время по лесу волки. Увидели они избушку, решили поживиться. Отправили самого молодого волка проверить - кто живет в избушке. Зашёл волк в избу, кати - кот на печи зашипел, кутюв - собака зарычала, за лапу его схватила, мисс - корова замычала, в бок боднула, лув - лошадь так лягнула, что волк кубарем из избы вылетел.

Прибежал к другим волкам и кричит:

- Уносите братцы ноги - пока целы. В избе чудища, шипят, кусаются, мычат, бодаются, лают да лягаются, я еле ноги унес. Испугались волки и разбежались по лесу.

«Трясогузка»

Мансийская сказка

— Птичка, что за носик у тебя?

— Мой носик — ломик, которым долбят весенний лед, осенний лед.

— Птичка, что за глазки у тебя?

— Мои глазки — это чашечки, наполненные водой коричневого цвета чаги, водой серого цвета золы.

— Птичечка, что за головка у тебя?

— Моя головка — ковшичек, из которого пьют весеннюю воду, осеннюю воду.

— Птичечка, что за туловище у тебя?

— Мое туловище — корытце, из которого кормят щенят, из которого кормят собак.

— Птичечка, что за грудка у тебя?

— Грудка моя — лодочка, на которой ездят по озерам, на которой ездят по большим рекам.

—Птичечка, что за ножки у тебя?

—Мои ножки — столбики для постройки весен! домика, осеннего домика.

—Птичечка, что за крылышки у тебя?

—Мои крылышки предназначены для укрытия весеннего домика, для укрытия осеннего домика.

—Что за хвостик у тебя?

—Мой хвостик — дощечка, на которой делает крой ненецкая женщина.

—Что за сердечко у тебя?

—Сердечко мое — наперсточек с женского пальчика.

«Запрет»

Хантыйская сказка

Уплыла мать на обласе в русскую деревню за покупками. А отец поехал траву глядеть — не пора ли покосничать. Велели детям домовничать.

Брат с сестрой целый день в Оби купались. Кости посинели от купанья, зуб на зуб не попадает.

Затопил мальчик уличную печку возле дома,

Сидят, греются.

— Пойдем, проневодем напротив избы, — зовёт брат сестру. — Свежей рыбы на ужин добудем. А то родители скоро приедут.

Девочке неохота от печки уходить. Она вспомнила старую сказку и выдумала отговорку:

— В нашем роду женщинам не позволяется у домашнего берега рыбачить!

Позвал мальчик соседских детей. Совсем немного протащили невод-бредень и добыли шук.

Разделил маленький рыбак улов поровну всем. Свою долю домой несет.

— Сестрица, выпотроши рыбу. Я по воду сбегаяю.

У ленивой девочки ответ готов:

— Родовой запрет, братец! Наша мать говорила, а ей дома сказывали: в ее роду женщины к шуке не касаются.

Поставил мальчик на печурку котел с водой. Сам рыбу принялся чистить и на куски резать. Мелких щучек — шуругай, потроха да рыбы хвосты в собачьем котелке над костром варить подвесил, чтобы лайками еда готова была не позже, чем людям.

Такой у северян обычай!

Наварил мальчик щучьей ухи - полон котел!

Тут и отец вернулся. Увидал он — собаки сыты, похвалил детей:

— Хорошие хозяева — мой сын и дочь!

Мальчик помалкивает. Собрал ужин на летнем столике. Рыбу в чуман

выложил, а уху в двух кружках подал.

Поглядел отец, дочка губы надула, ворошит в дымокуре прутом и не встает.

— Что же ты про сестру забыл? — спрашивает отец. Засмеялся мальчик:

— Сестрица сказала, ей нельзя щуку ловить и чистить. А уж кушать щуку, пожалуй, вовсе грех?

Лось и выдренок

Бабушка присела к костру и начала рассказывать:

На берёзовом плёсе, у светлой речки, жила Выдра со своим Выдрёнком. В речке они ловили рыбу, а обедали и отдыхали на плёсе.

Выдрёнок был ещё маленький и глупенький. Мама Выдра всё время за него боялась. Пойдёт, бывало, рыбу ловить и сыночка с собой берёт. Посадит его на берег и скажет:

— Сыночек, я сейчас пойду на дно речки рыбу ловить, а ты сиди на берегу, жди меня. Если захочешь купаться, булькайся у берега, а в глубокое место не ходи — утонешь.

Так они и жили, пока не подрос Выдрёнок. А когда подрос, стал думать:

— Что это я всё на берегу да на берегу сижу, а мама ходит на дно речки, ловит рыбу? Теперь сам буду ловить рыбу.

— Сыночек, я что-то устала, прилягу, отдохну, а ты, пожалуйста, никуда не уходи.

А Выдрёнок думает:

— Пусть мама ляжет, а как уснёт, я сам пойду ловить рыбу. Проснётся — и перед ней уже свежая рыба. Она обрадуется и похвалит меня.

Он так и сделал. Только уснула мать, Выдрёнок — бульк в воду и поплыл искать рыбу. Плыл-плыл, видит — перед ним огромная зубастая щука. Он испугался, думает:

— Нет, не буду ловить эту рыбу, мне с такой большой не справиться.

И поплыл дальше. Плыл-плыл, увидел серебристых чебаков и думает:

— Эту рыбёшку тоже не буду ловить, она совсем маленькая. И снова Выдрёнок поплыл. Плыл-плыл, сильно устал, нет у него сил держаться на воде, вот-вот утонет. Смотрит, куда бы залезть отдохнуть.

— Может, мне к берегу плыть? Нет, не хватит у меня сил. А может, до того берега добраться? Нет, он тоже далеко, не доберусь — утону.

И вдруг Выдрёнок увидел на воде пенёк, подплыл к нему и залез. Пока поудобнее усаживался вдруг что-то громко-громко хлопнуло над его головой. «Пенёк» повернулся, Выдрёнок слетел с него и погрузился в воду. Потом вынырнул, отфыркался и спрашивает:

— Ты, Пенёк, чем так громко хлопаешь и почему вертишься?

— Это совсем не пенёк, а моя голова,— кто-то басом сказал. Выдрёнок

даже испугался и заикался:

— А т-т-ты кто?

— Как — кто? Я лось.

— Дядя Лось, а где ты сам?

— Я в воде.

— А зачем ты себя в воде утопил?

— Как зачем? От жары и от комаров. Комары-то знаешь, как больно кусаются.

— А чем ты, дядя Лось, так громко хлопаешь?

— Я хлопаю ушами.

— А зачем ты ими хлопаешь?

— Так ведь они у меня большие и их тоже едят комары, вот я и хлопаю, комаров сгоняю.

— Дядя Лось, а ты бы и уши в воде утопил...

— Нет, малыш, уши в воде топить нельзя. В них может вода попасть, тогда они слышать перестанут. Я ведь в густом лесу живу. Мне всё надо хорошо слышать, даже шелест с дерева падающей хвоинки.

— Дядя Лось, а что ты хвостом от комаров не отмахиваешься? Лось погрустнел и не сразу ответил:

— Вся и беда, малыш, в том, что у нас, лосей, нет хвостов.

— Как, так уж совсем и нет?

— Есть, да совсем, совсем маленькие... Да ты, малыш, забирайся мне на шею, отдохни малость.

Выдрёнок забрался на гладкую шею Лося, уселся удобно, разглядывает у него уши и лоб: «А, вот почему я не смог усидеть на лбу Лося — нос-то у него горбатый».

— Дядя Лось, от ушиба, что ли, у тебя горбик остался на носу?

— Нет, не от ушиба. Мы, лоси, все немножко горбоносы. Потом Выдрёнок увидел комаров на ушах Лося, смахнул их с ушей и сказал:

— Такие большие уши, каждое ухо почти с меня. Как же их есть комары не станут.

И снова с ушей смахнул комаров и нежно погладил их. Потом скатился с шеи Лося, поплыл посмотреть на его хвост. Увидел крошечный хвост и с жалостью сказал:

— У такого большого и такой маленький хвостик. Он намного меньше хвоста моей мамы.

Сказал так и сразу вспомнил маму. И заторопился:

— Ну, дядя Лось, до свидания! Я скорее пойду к маме.

— Подожди, малыш, влезай снова на мою шею, я тебя перевезу на ту сторону речки.

Лось плывёт, а Выдрёнок сидит на его шее и покачивается. Лось приплыл

к берегу, склонил свою голову и сказал:

— Ну, малыш, слезай с меня и беги скорее к своей маме, да больше так далеко от мамы не уходи.

Выдрёнок помахал лапкой Лосю и быстро вдоль бережка поплыл домой.

После сказки я долго как будто видела Лося и Выдрёнка и слышала, о чём они разговаривали. Потом вспомнила, что выдры живут в воде, и спросила бабушку:

— Бабушка, а выдры тоже могут тонуть?

— Могут, могут и выдры тонуть. Они, как мы, без воздуха и земли жить не могут. Земля-то, милая, всем нужна.

ЧЕЙ ДОМ ЛУЧШЕ

Пришла однажды евражка к ручью воды попить. Смотрит, а на другом берегу стоит бурый медведь и тоже воду пьёт.

— Здравствуй, медведь, — говорит евражка. — Как живёшь?

— Здравствуй, евражка, — отвечает медведь. — Не плохо живу, но и не хорошо.

— Чего ж так?

— Да берлога у меня тесновата. Спать в ней тепло, а как повернусь, об стены бока обдираю.

— А у меня другая беда, — говорит евражка. — Всем была хороша моя нора, да вот прошёл сильный дождь, размыл землю, великовато стало жилище.

— Эх, — сказал медведь, — нашла на что жаловаться! Будь у меня берлога попросторней, я бы только радовался.

— Так давай поменяемся! — говорит евражка. — Я тебе отдам свою большую нору, а ты мне — тесную берлогу.

— Давай — обрадовался медведь. — Ты где живёшь?

— Вон там, на холме, — ответила евражка и показала на кочку на своём берегу. — А ты где живёшь?

— Тоже на холме, — сказал медведь и кивнул на сопку* на своём берегу.

Медведь перешёл через ручей вброд, а евражка перебралась на тот берег по камушкам. И пошли они в разные стороны, каждый в своё новое жильё.

Пришла евражка в медвежью берлогу. Огляделась. Пробежала в один конец, пробежала в другой, задрала голову — вверх посмотрела. Села на задние лапки и заплакала:

— Что я буду делать в такой огромной пещере? Лисица прибежит — съест меня, ворон залетит — заклюёт меня! Некуда спрятаться и от ветра негде укрыться!

Плакала, плакала евражка, вдруг слышит — кто-то топает. Это медведь явился.

Евражка быстро вытерла слёзы и говорит:

— Ты зачем пришёл?

— Да вот,— отвечает медведь,— не могу я втиснуться в твою норку. И лапами вперёд пробовал, и хвостом вперёд, и боком — всё никак не влезть!

— Носом вперёд надо лезть,— говорит евражка.

— И нос совал — не лезет.

— Не может этого быть!— обиделась евражка.— Я-то вся помещаюсь в норе, и ещё много места остаётся. Дай-ка я с твоим носом померяюсь.

Улеглась евражка на носу медведя. Потом сказала:

— Подумать только, какая я, оказывается, маленькая! Никогда раньше этого не замечала.

— А медведь говорит:

— А я какой, оказывается, большой! Никогда раньше этого не замечал. Что же теперь делать?

— Давай опять меняться, - предложила евражка.

— Давай! - обрадовался медведь.

Он остался в своей берлоге на сопке. А евражка побежала в свою норку под кочкой.

И оба были очень довольны. Никогда больше на своё жильё не жаловались.

«Как ворон землю мерил»

Мансийская сказка

На болотной кочке жили старуха со стариком. У старика белый ворон был. Земли всего лишь островок маленький — только юрточку поставить, а кругом вода. На месте земля не стояла: северный ветер подует — к южному морю ее погонит, с юга поднимается — землю на север несет.

Старик из юрты своей не выходит. Какая такая земля есть — не знает. Белого ворона однажды посылает:

— Землю кругом облети, хочу знать — намного ли она выросла.

Ворон полетел и вскоре вернулся. За это время, что летал он, котел рыбы сварить можно было.

Такой земля была.

Жили-жили, опять посылает старик ворона посмотреть, как земля выросла. Ворон землю всю облетел, через три дня лишь вернулся.

Такой земля стала!

Еще сколько-то времени прошло. Старик ворону говорит:

— Землю кругом облети, хочу знать — намного ли еще выросла.

Улетел ворон. Зиму прожили, и вторая зима прошла — ворон все не возвращается. Старик и ждать перестал:

— Погиб где-нибудь ворон. На другой день вдалеке появилась черная птица.

Это белый ворон - почерневшим прилетел.

— Ну, где же ты летал?

— Я три зимы, три лета летал, насилу землю облетел. Ни одной речки, ни одного озера не пропустил.

— Пока летал, что-то сделал? Почему почернел?

— Что сделал? Человек какой-то умер, а я его съел. Оттого и почернел.

— Если съел человека — уходи прочь. Отныне ты сам зверей убивать, рыбу добывать не сможешь. Когда человек зверя убьет, тогда кровь подбирать станешь, ничего не найдешь — голодным будешь.

Ворон улетел. Так и поныне живет, как старик ему сказал.

«Ими-хиты» Хантыйская сказка

Ими-хиты с бабушкой живет на краю земли. Сделал однажды себе Ими-хиты ледяную горку и катается целыми днями. Как-то раз прибегает Ими-хиты домой и спрашивает бабушку:

— Бабушка, я видел зверька: хвост черный, а сам серый. Что это за зверек?

Бабушка говорит:

— Это белка, внучек. Раньше твой отец добывал этого зверька.

— Я пойду, бабушка, догоню его, — говорит Ими-хиты.

погонишь, она на дерево залезет, как ты ее достанешь. Пошел ИМИ-ХИТЫ опять на горку. Долго, коротко ли катался, снова прибежал к бабушке:

— Бабушка, я опять видел зверька: кончик хвоста черный, а сам весь белый. Что это за зверек?

— Это горноста́й, внучек. Раньше твой отец добывал этого зверька.

— Я пойду, бабушка, догоню его.

— О, внучек, ты еще мал за горностаем гоняться. Ты его догонишь, он под корень дерева залезет, что ты с ним сделаешь?

Опять пошел кататься Ими-хиты. Долго ли катался, опять прибежал к бабушке, говорит:

— Бабушка, в этот раз видел такого зверька: весь целиком черный. Что это за зверек?

Бабушка говорит:

— Это собо́ль, внучек. Раньше твой отец этого зверька добывал.

— Пойду я, бабушка, догоню его.

— О, внучек, где тебе догнать соболя. Собо́ль — это зверь с длинным следом.

— А как добывают, бабушка, этих зверей?

— Как их добывают? Луком и стрелами.

— А какие бывают лук и стрела? Как их делают? Сделай мне лук и стрелы, бабушка.

Бабушке очень не хотелось мастерить, да что поделаешь, если ребенок просит. Взяла она полено, выстругала что-то вроде стрелы. Затем нашла какой-то обрубок палки и сделала внуку лук. На следующий день утром проснулась бабушка, взглянула, а внука уже след простыл.

Долго, коротко ли ходил Ими-хиты, пришел домой уже под вечер. Принес много всякого зверя. Бабушка покормила внука, и сели они вдвоем свежевать добытых зверей. Бабушка учит:

— Твой отец вот так свежевал, вот так правил шкурки.

С тех пор каждый день стал ходить Ими – хиты на охоту....

Как щука себе голову сделала

Раньше щука безголовая была. Уродливей ее не находилось в речках нашего края. Долго просила щука водяного царя - Ингк-хона - подарить ей голову. Ингк-хон отказывал: "Ты злая. Много рыбы изведешь. Не дам тебе зубов, не дам головы".

Нот однажды ушел Ингк-хон к людям в гости. Щука встала под мостками, с которых женщины воду черпали, и караулит.

Бежала по берегу девочка – сиротка. За день сто домов обошла, устала, пить захотела. Легла девочка на мостик напиться не может, пьет. А щука раздувалась, раздувалась, сделалась огромная и проглотила девочку...

Плыл рыбак в лодочке - обласке, греб согнувшись. И его проглотили ненасытная щука. Получилась из лодочки крепкие челюсти. И рыбак в дело пошел.

Под вечер переплывал реку лось, отломил щука ударом хвоста лосиную ногу с копытом. И такая кость, похожая на лосиную ногу, щучьей голове пригодилась.

старушка горбатая шла с сыном вдоль берега вязанку хвороста несла, забрела в реку ноги сполоснуть. Утащила злая рыбина старую женщину вместе с хворостом.

Плыла по реке деревянная лопата. Разинула щука рот пошире, проглотила лопатку, лобовую часть себе из нее сделала.

Черпала неподалеку девушка воду, упустила берестяной ковш. "Пригодится", -радуется щука.

Много людей и добра заглотала эта хищная рыба, соорудила себе громадную голову и острые, как частокол, зубы".

«Как щука себе голову сделала» (хантыйская народная сказка)

Раньше щука безголовая была. Уродливей ее не находилось в речках

нашего края. Долго просила щука водяного царя - Ингк-хона - подарить ей голову. Ингк-хон отказывал: "Ты злая. Много рыбы изведешь. Не дам тебе зубов, не дам головы".

Но вот однажды ушел Ингк-хон к людям в гости. Щука встала под мостиком, с которых женщины воду черпали, и караулит.

Бежала по берегу девочка – сиротка. За день сто домов обошла, устала, пить захотела. Легла девочка на мостик напиться не может, пьет. А щука раздувалась, раздувалась, сделалась огромная и проглотила девочку...

Плыл рыбак в лодочке - обласке, греб согнувшись. И его проглотили ненасытная щука. Получились из лодочки крепкие челюсти. И рыбак в дело пошел.

Под вечер переплывал реку лось, отломил щука ударом хвоста лосиную ногу с копытом. И такая кость, похожая на лосиную ногу, щучьей голове пригодилась.

Старушка горбатая шла с сыном вдоль берега вязанку хвороста несла, забрела в реку ноги сполоснуть. Утащила злая рыбина старую женщину вместе с хворостом.

Плыла по реке деревянная лопата. Разинула щука рот пошире, проглотила лопатку, лобовую часть себе из нее сделала.

Черпала неподалеку девушка воду, упустила берестяной ковш. "Пригодится", - радуется щука.

Много людей и добра заглотала эта хищная рыба, соорудила себе громадную голову и острые, как частокол, зубы.

Вот такую сказку сочинили про щуку, потому что когда едят щучью голову то очень много костей в ней встречается похожих на различные предметы.

3 слайд «Щучья голова»

ТРУСЛИВЫЙ ЗАЯЦ

Жил-был зайчишка. Однажды он услышал, сидя за пеньком: кто-то бежит. Испугался зайчишка, стал убегать. Собака охотника учуяла зайца и погналась за ним. А зайчишка убегает и кричит:

- Нос мой, чуй, чуй запах! Глаза мои, глядите, глядите!
- Уши мои, слушайте, слушайте!
- Передние мои ноги, помогайте, помогайте!
- Кожа моя, двигайся, двигайся!
- Хвост мой, помогай, помогай!

Бежал, бежал, устал, остановился и спрашивает:

- Нос мой, ты учуял запах?

- Если бы я не учуял запаха, тебя была том же месте съели собаки!
- Глаза мри, вы увидели опасность?
- Если бы мы не увидели, тебя бы на том же месте съели собаки!
- Уши мои, вы слышали опасность?
- Если бы мы не услышали, тебя бы на том же месте съели собаки!
- Передние ноги мои, вы помогли в опасности?
- Если бы мы не помогли, тебя бы там и съели!
- Кожа моя, ты двигалась?
- Если бы я не двигалась, тебя бы там и съели!
- Хвост мой, ты помогал?

И тут хвост чуть не плача говорит:

— Как же Я, бедняжка, мог помочь тебе, ведь ты меня выпрямил, как прут!

Рассердился зайчишка на свой хвост и закричал:

— Собака, собака, откусывай, откусывай мой хвост!

Собака схватила хвост зайчишки и оторвала. Вот почему у зайца короткий хвост.

КОМПОЛЭН — БОЛОТНЫЙ ДУХ

Мансийская сказка.

Давно это было. Тогда люди ещё понимали язык птиц и зверей, трав и деревьев, дорожили их дружбой, а самые мудрые из племени хранили тайны Понимания. Звери дарили людям шубы, а в тяжёлую годину делились последней шкурой.

Старые люди слышали от своих дедов и прадедов, что в давние времена Медведь был старшим братом людям, Лось — средним, а Журавль и Лебедь — младшими. Чайки и гагары были людям сестрами, а значит, кому-то матерью, кому-то бабушкой. Они и положили начало человеческому роду.

Разве могли смириться с этим духи Зла? А из всех духов самым злым и коварным был Комполэн — Дух Болотный. Он пугал всех из непроходимой чащи, заводил в гиблые места.

Вот как однажды было.

Наловил Медведь в реке тайменей, сам поел и охотнику Касюму семь рыбин принёс.

— Ешь, Касюм, свежая рыба, вкусная.

Охотник Касюм взял рыбу, поблагодарил и вынес Медведю берестяной кузов малины.

— Ешь на здоровье, копи жир — скоро тебе в берлогу ложиться!

Поклонился косолапый, взял малину и отправился восвояси.

Поел малины, потом рябины, сладкими корешками закусил и собрался уже залечь на зиму, как под-

крался к нему Комполэн. Обернулся Болотный Дух лосем.

— Спать собрался, брат?

— Да, пора!—потянулся, зевая, Медведь.

— И не боишься, брат?

— А чего мне бояться?—удивился Медведь.— Холода, что ли, бояться?

Шерсть густая, под кожей жира накопил, в жилище моём и без печки тепло.

Мне, брат Лось, зимой зелёные сны снятся...

— И охотника Касюма не боишься?— ещё громче протрубил Лось.—

Пока ты сны смотришь, он берлогу твою разорит...

— Он — брат мой младший! — перебил Медведь.

— ...или спалит твоё жильё,— твердит своё Лось.— Спалит, пока к тебе сны из лета приходят.

— Не пойдёт брат на брата! — сурово ответил Медведь.— Мы одного рода-племени!

— Вот посмотришь,— раздул ноздри Лось — Комполэн.— Ни одной шкуры не подарили звери летом охотнику Касюму. Замёрзнет он зимой в травяной одежде. Вспомнит, что у тебя шуба тёплая, и разденет тебя догола! Вот увидишь!

— Что-то не узнаю я тебя, Рогатый! Уходи с глаз долой!

Лёг Медведь в берлоге, голову на лапу положил — неудобно. С одного бока на другой перевернулся — неловко. Постель жёсткая, еловые ветки торчат — не уснуть. Но вот запел колыбельную ветер, раскачал он сосны, и сосны запели. Весь лес подпевал. И Медведь стал засыпать.

Только он погрузился в сон, как вдруг словно гром раздался над головой. Вскочил Медведь, выглянул из берлоги и понял — это дятел ударил по сухой лиственнице. Успокоился, снова лег. Будто в тёплую воду, вошел в сон медведь, но тут раздался тонкий-тонкий скрип.

— Что такое?—вскочил Медведь.— Неужто Касюм крадётся?

Выглянул Медведь из берлоги — а это две сухие ёлочки от ветра качаются и тоненько скрипят.

— Что же это? Почему это я спать не могу? — думает Медведь.

А Комполэн тем временем примчался к шалашу охотника Касюма. Смотрит — сидит охотник в травяной одежде у костра, дрожит от холода. Комполэн обернулся бурундуком и тоненьким голоском спрашивает:

— Холодно тебе, брат Касюм?

— Ничего,— стуча зубами, отвечает охотник.— Ничего, костёр пожарче разведу — теплее станет...

— А где твоя зимняя шуба? — пискнул бурундучок.— Потерял?

— Так получилось,— улыбается охотник.— Не было у братьев лишней шкуры... Ничего... Ухи поем, чаю попью — согреюсь!

— А у Медведя, брата твоего старшего, есть лишняя шуба. Я сам видел, как он на себя вторую шубу натягивал,— посвистывает зверёк.

— Если бы она была у него, то поделился бы со мной,— ответил охотник.— Он добрый. Он ведь для меня тайменей ловил. Шишки с кедра сбивал. В гости ко мне приходил.

— Да это он дом твой смотреть приходил,— крутится под ногами Бурундучок — Комполэн.— Ему в твоём чуме печурка понравилась. Говорил мне: «Приходи ко мне, когда я выгоню охотника из чума, на огне кедровые шишки калить».

— Пусть приходит,— ответил охотник.— У меня всем места хватит.

— Ещё Медведь говорил мне,— продолжает бурундучок:—«Всякое едал в тайге, всё пробовал, а вот каков на вкус охотник, не знаю. Приду как-нибудь тёмной ночью и съем!»

— Всего, что ли?—удивился охотник.

— Да,— начинает злиться зверёк.—Сначала справа с ног до головы, потом слева с головы до ног!

— Почему сердит на меня старший брат?—воскликнул охотник.— Может, обидел я его чем-то нечаянно? Пойду попрошу у него прощения.

— Иди, иди!—засуетился бурундучок.— Только собак с собой возьми, нож острый, лук да стрелы...

— Кто же в гости с ножом ходит?! — удивился охотник.

— А вдруг на тропе злые духи встретятся?—говорит Комполэн.— Вдруг не пустят тебя к брату Медведю? Возьми острый нож да тугой лук.

— Ладно, — согласился охотник.— Зимой в глухой тайге немало злых духов.

И отправился. А Комполэн ураганным ветром впереди него мчится.

Прилетел, остановился перед берлогой. Взял и надавил плечом на громадную сосну. Сосна закричала да и повалилась прямо на медвежий дом. В ужасе вскочил Медведь. со сна понять ничего не может. Еще одна сосна упала на берлогу и разворотила её. Ледяной ветер ударил Медведя в грудь.

—Ай-ё!— воскликнул Медведь.— Неужто брат Касюм мой дом ломает?!

Выглянул Медведь из берлоги и не узнал мир — темно, сугробы по грудь, ветер воет, мороз визжит. Первый раз Медведь зимой на улице очутился, оторвался от зелёных снов.

— Видно, правду Лось говорил,— вспомнил Медведь.— Охотник дом мой разорил, сейчас, наверное, раздевать меня начнёт. Но я ему не дамся!

Он вылез из берлоги и притаился за могучей елью.

— О-о-о! Брат мой старший, к тебе иду!— крикнул охотник.

А Медведю сквозь завыванье ветра слышалось:

— Что-о, страшно? Иду, иду!

— Иди, иди, я тебя встречу! И только охотник показался, Медведь бросился на него, сбил с ног и разинул горячую пасть.

«Правду мне бурундук говорил. Съесть меня захотел старший брат»,— лихорадочно подумал охотник и ударил его ножом в грудь.

— Аю-аю! Больно... больно мне,— простонал Медведь,— почему ты, Касюм, с меня последнюю шкуру содрать решил?

Зарычал, зарыдал Медведь и, зализывая рану, помчался прочь.

Всю зиму бродил-шатался Медведь по лесу. Как заяц, кору с деревьев обглаживал, занесённые снегом ягоды доставал, у бурундуков орешки отнимал, но всё равно чуть не умер с голоду.

И охотник всю зиму у печки просидел: переломал ему Медведь ноги.

Так Болотный Дух Комполэн навеки поссорил охотника и Медведя. Не спит зимою Медведь-шатун, ищет человека, чтобы отомстить ему за разрушенный дом. А охотник, убив Медведя, просит у него прощения, за то, что убил нечаянно.

Но самые мудрые из народа манси говорят:

— Настанет снова такое время: Медведь опять будет братом, и Кедр будет братом, а Берёза — сестрой. Оно настанет тогда, когда каждый навсегда изгонит из своего сердца злобу.

Гордый олень

Мансийская сказка

Есть у манси на Северном Урале любимое озеро — Ватка-Тур. Недалеко от этого озера жил охотник Захар со своей семьей. Был он трудолюбив, целыми днями ходил по тайге, охотился. Знал повадки каждого зверя, умел выслеживать хитрую лису, находить зимой медвежьи берлоги, ловить сохатого. Только оленей никогда не ловил Захар — жалел их.

Однажды летом пошел охотник на озеро проверить сети. Тихо на озере. Только и слышно, как рыба плеснет, или как утка вспорхнет... Вдруг видит: недалеко от него стоит красавец олень с сереньким пятнышком на лбу. Засмотрелся на него охотник — весло из рук выпало, а олень встrepенулся, замер на миг, потом гордо поднял голову и убежал прочь.

Кончилось лето. Пришла и ушла осень. Наступила зима. А зима на Урале суровая да снежная. Трудно Захару с семьей жить стало. Юрта совсем худая, и в охоте удачи нет.

Пошел Захар в лес. День идет, другой, из сил выбивается, а на след зверя набрести не может. Вышел к болоту и видит: на краю болота стадо оленей

пасется и среди них тот, с сереньким пятнышком на лбу.

Стал Захар потихоньку подползать к оленям. Вот уж совсем близко подполз. Быть ему с добычей, да дрогнуло сердце охотника, жалко стало оленя убивать. Олени почуяли, что человек близко и умчались.

Только хотел Захар повернуть обратно, вдруг видит: прямо к нему, опустив голову, идет большой и сильный олень. Испугался Захар, а олень остановился около него и сказал человеческим голосом:

- Здравствуй, Захар! Давно я тебя знаю. Вижу, как ты трудишься, бродишь по тайге, а удачи тебе нет.

Захар отвечает:

—Спасибо, гордый олень, что добрым словом меня согрел.

—Будь завтра снова на этом месте, — проговорил олень и, высоко подняв голову, убежал.

На другой день, только показался первый луч солнца, Захар пошел на болото. Красавец олень уже ждал его.

—Я буду твоим другом и помощником, — сказал он.

— Садись на меня! Поехали домой!

Быстро мчался олень по тайге. Сколько было радости и удивления, когда Захар вернулся домой!

Освободил олень Захара от самых трудных работ, легче стало ему жить. Все полюбили доброго оленя, и решила семья отблагодарить его: сделать красивые рога, каких ни у кого нет. Вечерами сидели они всей семьей и вытачивали, отделявали каждую веточку. И вот рога готовы — крепкие, ветвистые, красивые!

Весной, когда начал таять снег, запряг Захар оленя и посадил всю семью на нарты*.

—Поехали! — крикнул Захар.

И они помчались по бескрайней тайге.

Вот и озеро Ватка-Тур. Захар освободил оленя из упряжки и вывел к тому месту, где впервые увидел его. Старший сын Захара принес приготовленные для оленя рога.

—Спасибо тебе, олень, за помощь, — сказал Захар — Иди на свободу.

—И тебе спасибо, человек! С такими рогами мне волк не страшен! — сказал олень и, встряхнув на прощанье красивыми рогами, скрылся в лесу.

С той поры все олени носят рога и дружат с человеком.

Лось

Мансийская сказка

Давно это было, никто даже из старых манси не помнит. Возле самых гор жил-был лосенок. День растет, ночь растет. Превратился в могучего,

прекрасного зверя. Любо смотреть на него: могучие ветвистые рога дерева задевают. Бежит он по лесу, корни и сучья трещат под его могучими копытами — такой он сильный стал.

Долго, коротко ли так жил лось, но стало ему одиноко и грустно одному. Подумал он: «Пойду-ка я искать себе друга». Подумал да и отправился в путь. Много лесов обошел он и вот, наконец, встретил росомаху.

Спросил ее:

— Росомаха, скажи, чем ты питаешься? Какую пищу ты любишь?

Росомаха ему ответила:

— Я ем мясо лесных зверей.

Могучий лось, услышав такое, рассердился и убежал. Долго ли, коротко ли бежал, много лесов пробежал, много рек переплыл. Однажды пришел к берегу большого озера и повстречал на том берегу зайца.

— Чем ты, заяц, питаешься? — спросил лось. Заяц ответил:

— Я ем травку, грызу прутья и кору деревьев.

Тут лось очень обрадовался и взял себе в друзья зайца. Теперь они одной пищей питаются и никогда не ссорятся. Вот и сказке конец.

Медведь и бурундук

Живут в тайге медведь и бурундук. Один — в одном уголке, второй — в другом, друг другу не мешают.

Бурундук живет-поживает, ничего не боится, по деревьям лазает: то тут, то там мелькает. Однажды на бегу замечает: кто-то там у самой земли копошится. Бурундук поспешил туда. Подошел, смотрит — медведь. Оглядели они друг друга и разговорились, да никак не разойдутся. Долго ли, коротко говорили и вдруг заспорили. Один говорит: «Я первым замечу солнце на горизонте». А другой отвечает: «Нет, я буду первым». Бурундук маленький, где ему победить в споре. Медведь большой и ума у него, наверное, много. Долго спорили и, наконец, договорились так: «Давай сядем да и подождем восхода солнца, вот и узнаем, кто солнце увидит раньше».

Бурундук огляделся кругом и решил: «Я сяду лицом к высокой горе». А медведь сказал: «Я сяду лицом к полю, там солнце взойдет».

Сели они друг к другу спиной и ждут. Долго ли сидят, коротко ли, ничего не видно. И вдруг стало светло. Они пошире раскрыли глаза, чтобы не пропустить первый луч солнца.

И вдруг бурундук как закричит: «Какая радость! Я вижу солнце!». Медведь вытаращил глаза, смотрит на поле — нет никакого солнца. Оглянулся,

а бурундук от радости прыгает, пляшет, кувыркается. Медведь спрашивает: «Где ты видишь солнце?» бурундук показывает на гору и кричит: «Гляди туда, туда! Золотой луч солнца блестит на горе, вон там».

Медведь посмотрел наверх: и правда, солнце появилось, его лучи на горе играют. А бурундук еще больше развеселился и скачет перед носом медведя. Медведь разозлился, в глазах у него потемнело, он схватил бурундука когтями за шиворот. Тот рванулся изо всех сил, однако не удалось целым уйти — когти медведя распороли спину, но жив остался и побежал. Увидел ямку, бросился туда, затаился, успокоился и начал раны зализывать. Облизал шкурку, видит: от когтей медведя по спине тянутся пять глубоких полосок. До встречи с медведем носил бурундук светло-песочную шубку, а теперь у него на спинке пять темных полос. Да и повадки его изменились: начал он всего бояться. Что ни увидит, что ни услышит, моментально нырнет в дупло, сидит там и дрожит. Такой трусливый стал... Так и живет он теперь в тайге, так и существует.

Сам себя наказал

Мансийская сказка

Живет зайчишка на осоковом берегу. Однажды о травку порезал он губу. Говорит он: «Ты погоди, осоковый бугор! Я пойду попрошу огонь, чтобы он сжег тебя!»

И вот он пошел к огню и просит:

— Подожди осоковый берег.

— Он в чем же виноват?

— Осока мне порезала губу!

— Пусть порезала, это же случилось из-за твоей собственной жадности!

— Я, — говорит зайчик, — тогда попрошу воду, пусть она погасит тебя.

И вот побежал он к воде, просит:

— Погаси огонь!

— Огонь чем же виноват?

— Не сжигает осоковый берег.

— А чем виноват осоковый берег?

— Осока мне порезала краешек губы.

— Это же случилось из-за твоей собственной жадности!

— Ну, погоди, — говорит зайчик, — не гаси, живи! Я схожу к быку, он тебя до дна выпьет.

И пошел к быку-мамонту, просит:

— Выпей всю воду!

— А в чем виновата вода?

— Не гасит огня.

— Огонь не сжигает осоковый берег.

— А чем виноват осоковый берег?

— Осока мне краешек губы порезала.

— Это случилось из-за твоей собственной жадности, так тебе и надо!

— Ты не выпьешь воду? Живи, я пойду к двум мальчикам, у которых есть стрелы, пусть они тебя убьют!

И вот пошел он к двум мальчикам, говорит:

— Быка-мамонта забросайте стрелами!

— А чем же виноват бык-мамонт?

— Не пьет воду.

— А чем виновата вода?

— Негасит огня.

— А огонь чем виноват?

— Не сжигает осоковый берег.

— А осоковый берег чем нехорош?

— Осока мне порезала краешек губы.

— Так тебе и надо! Из-за своей собственной жадности ты пострадал!

Я пойду к девочкам - пусть они концы ваших стрел обломают. Вот пришел он туда говорит:

— Вы поломайте стрелы двум мальчикам.

— А чем виноваты мальчишки?

— Не забрасывают они стрелами быка-мамонта.

— Бык-мамонт чем нехорош?

— Он воду не пьет.

— А вода что сделала?

— Негасит огонь.

— А огонь чем виноват?

— Не сжигает осоковый берег.

— А чем виноват осоковый берег?

— Осока мне порезала краешек губы.

— Это же из-за твоей собственной жадности так случилось!

— Погодите! Я пойду к двум мышатам, пусть они сгрызут края ваших вышивальных мешочков!

Пришел он к двум мышатам, говорит:

— Девочки чем виноваты?

— Они не ломают концы стрел двух мальчиков.

— Мальчишки со стрелами, чем виноваты?

— Они не забрасывают стрелами быка-мамонта.

— А чем же нехорош бык-мамонт?

— Он не пьет воду.

— А вода чем виновата?

— Негасит огонь.

— А огонь чем виноват?

— Не сжигает осоковый берег.

— А чем виноват осоковый берег?

— Осока порезала мне краешек губы.

— Из-за твоей собственной жадности, так тебе и на,

— Погодите! Я пойду к главе семи оскаливших собак, пусть собака вам

закроет ходы-выходы из нор.

—Глава семи оскалившихся собак, закройте ходы выходы мышатам!

Мышата закричали: обгрызем!

Девочки закричали:

— Концы стрел двух мальчиков обломаем-обломаем!

Мальчики закричали:

—Быка-мамонта забросаем стрелами! Бык-мамонт говорит:

—Воду я выпью-выпью! Вода говорит:

—Я огонь погашу-погашу! Огонь говорит:

—Я сожгу-сожгу осоковый берег!

Огонь вспыхнул — от осокового бугра лишь один пепел остался. Зайчонок там скакал-прыгал и подпалил подошвы ног.

Вот так он судился-судился, и самого его подпалило огнем.

У зайца порезанная губа так и осталась.

Про двух собак

Жили две собаки. Зима наступила, холодно стало, Хозяин им суп сварил из костей. Хоть и поели, да только от супа из костей какая сытость?! Прижались друг к другу, от голода и холода дрожат.

—Послушай, — говорит одна, — вот лето наступит - давай на маленьких щучек ловушку сделаем. На век зиму еды запасем!

—Ох, друг, верно! Непременно сделаем! Со своим запасом жить будем.

Вот и настало лето. Хозяева рыбу ловят, полными лодками возят. У каждого очага рыба лежит. Везде еда - Собаки отъелись, разжирели. Спины их, как доски широкие стали. Как-то легли в тень, беседуют:

—Ну, друг, когда будем делать ловушку на маленьких щучек?

—Что ты, друг, какую еще ловушку?! Зачем нам, видишь, какие мы жирные. Мы с этим жиром всю зиму проживем. В такую жару кто станет ловушку делать!

Настала зима. Голодно стало. Опять исхудали, от голода и холода дрожат.

—Ну, друг, я говорила, ловушку сделать надо. Теперь как жили бы! Вот лето придет сделаем, а?

—Верно, друг, в это-то лето уж непременно сделаем. На маленьких щучек ловушку непременно сделаем.

Настало лето. Хозяева их рыбу ловят, полными лодками ее домой возят. Куда ни глянь — везде рыба лих, как доски, широкие стали, между собой беседуют:

— Послушай, ну как, ловушку сделаем, а? Помнишь, решили сделать?

— Что ты, в такую жару ловушку делать! Да и к чему нам? Мы и так проживем.

Настала зима, холодно стало, опять похудели, опять дрожат...

Мышонок-путешественник

Мансийская сказка

Живет на свете мышонок. Вот однажды он подумал: «Не попутешествовать ли?» Сделал легкую лодочку, как листочек крапивы, сделал к ней легкое весло, как язычок собаки. Опустил лодку на воду и отправился в далекое путешествие. Плывет себе и поет:

— Мое веселко красивое, тонкое, легкое, как собачий язычок: «пол-пол-пол». Моя легкая лодочка, как листочек крапивы: «шав-шав-шав».

Долго ли плыл, коротко ли, показалась какая-то деревня. Смотрит: на берегу играют дети. Дети увидели приближающуюся лодку, начали подзывать ее к берегу:

— Дедушка, дедушка! Иди на берег, кушай, мы ершей сварили.

Мышонок услышал это и запел:

— Не-ет, не-ет, у меня горлышко маленькое, косточка застрянет.

И поплыл дальше. Гребет и поет:

— Мое веселко красивое, тонкое, легкое, как собачий язычок: «пол-пол-пол». Моя легкая лодочка, как листочек крапивы: «шав-шав-шав».

Долго ли плыл, коротко ли, показалась какая-то деревня. На берегу дети играли, увидели они лодку и закричали:

— Дедушка, дедушка! Приставай к берегу, кушать мы сварили окуней.

Мышонок, услышав это, запел в ответ:

— Не-ет, не-ет, у меня горлышко маленькое, косточка застрянет: окунь — костлявая рыба.

И поплыл дальше. Плывет и поет:

— Мое веселко красивое, тонкое, легкое, как собачий язычок: «пол-пол-пол». Моя легкая лодочка, как листочек крапивы: «шав-шав-шав».

Долго ли плыл, коротко ли, показалась еще одна деревня. Как и прежде, на берегу играют дети, бегаю¹ Увидели приближение мышонка и закричали:

— Дедушка, дедушка, иди на берег, ешь суп из икры.

Мышонок услышал эти слова, повернул лодку к берегу и запел:

— Конечно, конечно, конечно! Такой пищей питались мои предки. Конечно, конечно, конечно, конечно, поем.

Лодка мышонка приткнулась к берегу, он бросил весло, побежал. Вошел в дом. Сел за стол к концу длинной чашки. Ест и ест, и ест. Долго ел, чувствует, живот наполнился. От стола еле-еле отодвинулся...

Побежал к лодке, да по дороге упал в яму, которую разрыли собаки. Живот его и лопнул: «Пох-щик!». Начал он кричать:

— Принесите мне корень кедра, принесите шило!

Дети сбегали, принесли корень кедра, принесли шило. Мышонок зашил себе живот, вскочил и побежал дальше. Прибежал к берегу, схватил весло, оттолкну лодку, сел и поплыл дальше.

Отчего у зайца длинные уши

Мансийская сказка

Когда появились в лесу звери, самым старшим у них стал Лось. Однажды Лось на лесной полянке с женой разговаривал. Мимо бежал Заяц, услышал их разговор. Подкрался Заяц поближе, спрятался за пенек, слушает.

— Есть у меня рога, которые я должен раздать зверям, — говорит Лось. — Но зверей много, а рогов мало. Кому же дать?

Слушает Заяц, думает: «А неплохо бы и мне рога получить. Чем я хуже других?»

— Кому вот эти рога дать? — спрашивает Лось свою жену.

Только хотел Заяц рот открыть, а Лосиха уже отвечает:

— Эти оленю дай. Защищаться ими будет от врагов своих.

— Хорошо, — говорит Лось. — А вот эти, большие, кому?

Тут Заяц не вытерпел, высунулся из-за пенька и закричал:

— Эти мне, Зайцу, дай, большой Лось!

— Что ты, братец, — удивился Лось. — Куда тебе такие рога?

— Как куда? — говорит Заяц. — Мне рога очень нужны. Я всех своих врагов в страхе держать буду. Все будут меня бояться.

— Ну что ж, бери! — сказал Лось и дал Зайцу рога.

— С кедра большая шишка ему на голову свалилась, соскочил Заяц от испуга — и бежать! Да не тут-то было. Запутался рогами в кустах, выпутаться не может визжит со страху.

— А Лось с женой хохочут.

— Нет, брат, — говорит Лось. — Вижу: ты трусишка, а трусу и самые длинные рога не помогут. Получай-ка ты длинные уши. Пускай все знают, что ты подслушивать любишь.

— Так и остался Заяц без рогов, а уши у него выросли' длинные-предлинные.

Как собака себе товарища искала

Мансийская сказка

Давно это было, поговаривают старые манси. Собака в лесу жила одна. Жить одной ей стало скучно, отправилась собака искать себе товарища. Собака искала такого товарища, который бы никогда никого не боялся. Она думала: «Наверное, волк самый сильный никого не боится». И собака отправилась искать волка, а когда нашла, сказала ему:

— Волк, давай жить вместе.

— Хорошо, я согласен, — сказал волк. Стали они жить вместе. Однажды собака услышала шорох в траве и залаяла.

— Не лай, собака, — говорит ей волк, — а то придет всемогущий медведь и нас обоих съест.

«Вот те на! — думает собака. — Наверное, медведь самый сильный, если волк его боится». И собака отправилась искать медведя. Долго ли, коротко искала, нашла медведя и сказала ему:

Медведь давай с тобой дружить.

И зажили они вместе. Однажды собака услышала шелест листьев и залаяла. Медведь испугался и говорит:

— Не лай, собака! Человек услышит, придет с ружьем и убьет нас.

«Я теперь понимаю: если медведь боится человека, значит человек на земле самый сильный», — подумала собака. Бросила собака медведя и отправилась искать человека. Долго ли, коротко искала она, но нашла человека. Пришла она к человеку и говорит ему:

— Человек, давай вместе жить будем.

Человек согласился, и стали они жить вместе. Однажды ночью собака стала лаять. Человек проснулся и говорит:

— Так, так! Погромче лай, бросайся, пугай!

Тогда собака убедилась, что человек — самый сильный на земле. Он ничего не боится. С тех пор и по сей день собака живет рядом с человеком и стала его хорошим другом.

Хлебушко

Мансийская сказка

Жили-были муж с женой. Мужа звали Икилэ, а жену — Имилэ. Уж так издавна велось: Икилэ охотился в лесу или ловил рыбу. Ходит-ездит, вернется домой, скинет износившуюся обувь и одежду, отдаст жене мясо, рыбу, шкурки — и снова в лес. Был Икилэ добр к людям.

И Имилэ тоже знала, что делать. Она следила за домом, собирала хворост, шила одежду, готовила еду, сушила рыбу и мясо. Всего у них в доме было полно, только муки мало. Все умела делать Имилэ, только вот беда: была очень грубая и жадная.

Однажды жена решила состряпать хлебушко — Ня-ние, уж очень ей захотелось мягкого душистого хлебушка поесть. Взяла икры, сбила ее деревянной ложкой, высыпала последнюю муку в берестяной бачок. Замесила тесто. И небрежно, как камень, бросила тесто на сковородку.

Очень обиделся Няние, но ничего не сказал, стал печься. Тем временем Имилэ выстругала остроконечную палочку — и ну тыкать Няние то тут то там, словно шилом. Проверяет — испекся ли. Няние стал прыгать от боли. То на одну, то на другую сторону повернется. Больно ему было, очень больно. Жадная Имилэ не успокаивалась — ей хотелось скорее съесть Няние.

— Ждешь — не дождешься! Пекись скорей! Я есть хочу! — кричала она на весь дом.

Её глаза больше прежнего разгорелись, зубы стали острей, сердце еще злее.

— Скоро я тебя съем, Няние! Ты будешь в моем животе! — дразнила она его.

Только хлеб поспел, стал румяным и пышным, Имилэ тут как тут. Хотела ткнуть острой палочкой Няние — прыг! На столе оказался. Имилэ — к столу, Няние — на полку с посудой. Имилэ в ярости бросилась туда.

А Няние покотился в передний угол дома и прыг на святую полку, где жил

домашний бог. Жене нельзя было даже касаться этой полочки.

«Здесь Имилэ меня не достанет», — подумал Няние. Задумалась Имилэ: «Как же я теперь его съем?: не вытерпев, даже забыв о боге, она с руганью кинулась за Няние. Хлеб засмеялся, изловчился и прыг через голову женщины. Он стал кататься по всему полу и смеяться над грубой и жадной Имилэ. Она перебила всю посуду, гоняясь за ним.

Хлеб прыгнул за порог и выкатился на улицу. Имилэ выскочив за ним, закричала собакам:

— Пурыс, пурыс! Таен, таен! — что значит: «Кусайте, кусайте! Съешьте, съешьте!»

Собаки помчались за Няние. Вот-вот его поймают и съедят. А Няние подумал: «Ведь собаки есть хотят ведь не то, что их хозяйка, — добрые. А я, Няние, не благодарный».

Он отломил от себя корочку и бросил собакам схватили корочку и остановились. Няние тем временем исчез. Имилэ, беспомощно разводя руками, громко плакала и звала Няние. Но он и не думал отзываться. В густом лесу, в темном бору сидел Икилэ и мясо. Не один бор обошел, не одну речку перепл: — сил не стало, и хлеба нет. Думы тяжелые на сердце, лица на нем нет. Усталый, истыканный чем-то... Няние подкатился к нему.

Икилэ взял его осторожно натруженными руками, погладил раны на хлебе и поцеловал его. Посадил на самое почетное место у костра. Няние повеселел, зарумянился и очень хотел, чтобы Икилэ его съел, и силы прежние чтоб вернулись к нему.

Икилэ съел Няние, улыбнулся и сразу почувствовал такую силу в руках и ногах, что мог бы объехать не одно болото, пройти не одну землю. В голове прояснилось, а сердце стало еще добрее.

Пусть здесь этой сказке будет конец.

Только Икилэ просит вот что запомнить. Няние — то сила людская, да не простая. У кого недобрые сердце и руки — хлеб не дается им.

Как луна на землю приходила

Мансийская сказка

Давным-давно жила-была старая женщина. Жила она с внуком и внучкой в деревянном доме. Занималась домашним хозяйством, готовила пищу. Однажды вечером старая хозяйка затопила чувал и стала готовить ужин, а ребятишки вышли на улицу и стали смеяться над луной: рожицы ей корчили, показывали на нее пальцем. Луна тут очень рассердилась на ребятишек-проказников и стала спускаться на землю. Баловники от страху забежали домой.

Бабушка взглянула на них, вышла из дома. Посмотрела на небо и видит: на небе нет луны. Смотрит: почерневшая луна спускается на землю. Старая женщина вернулась в дом, вытряхнула из мешка свое рукоделие, посадила туда своих детей.

На стол берестяную чашку с солью и хлебом поставила она, и вот рассерженная и почерневшая луна подошла к двери ее дома. Луна с шумом и

грохотом влезла в дверь и спросила старую женщину:

— Где теперь те ребяташки-баловники, что смеялись надо мной и строили мне рожицы?

Соль, услышав голос луны, сказала:

— Малые дети посмеялись над тобой, луна, а ты сразу и рассердилась, спустилась на землю. Меня вот человек в котел бросает, но я не сержусь.

Затем заговорил хлеб на столе:

— Ты, сердитая луна, и так съела безвинных детей, теперь снова на землю спустилась. Человек меня на горячей воде замешивает, печет в горячей печке. Вытащив из печки, режет меня на кусочки, я и то не сержусь. А ты, луна, на детей рассердилась.

Тут луна с шумом и грохотом вышла из дома и поднялась на небо, на свое место. А старушка вышла на улицу, посмотрела вверх: луна снова светит в ночной небе. Зашла она в дом, распорола рукодельный мешок выпустила своих внучат. Они и теперь живут.

КАК КУКЛА ДРУЗЕЙ ИСКАЛА

Жила Кукла-Акань в чуме одна. Сама зверя добывала. Сама шкурки мягкими делала, из них одежду и обувь шила. Сама рыбачила и рыбу впрок сушила. А из кожи осетра обувь шила для весны и осени — сохнiry.

Надоело ей самой о себе заботиться, с собой разговаривать.

«Пойду, — решила Акань, — друга искать».

Надела Кукла расписной кузов на спину. А в кузове у неё рукодельная сумочка с нитками и бисерной игольницей, медный котелок и постель — два лоскута меха: один подстелить, другим — укрываться.

Идёт Кукла-Акань лесной тропой. Травы её, как лес, скрывают. А деревья и вовсе белый свет закрыли. Но не боится Кукла, она ведь таёжница.

Выбралась Акань на лужок. Трава на нём скошена. Солнце ярко светит. Всё кругом разглядела: кедры за лужком, речку, берёзы за рекой, а друга никакого нет. Видно, дальше идти придётся.

Села Кукла возле копны отдохнуть, смотрит: выскочил из-под яра-берега Шовр - Заяц. Удивился, ушами захлопал.

— Кто ты, красавица? Куда тропу ведешь? Не друга ли ищешь в наших местах?

Понравился Кукле приветливый Шовр. Отвечает она:

— Я — Акань. Товарища ищу. Хочу о нём заботиться и песню его слушать.

— Что далеко ходить? — говорит Шовр. — Я буду твоим другом.

Привёл Шовр Куклу-Акань под корягу, посадил на травяную подстилку. Сам на охоту побежал.

Прибралась Кукла, повышивала, сидя на валежине. Хотела вечернюю еду сварить, а у Зайца запасов нет. Сплела поскорее ловушку, добыла рыбы. Сварила в своём медном котелке.

Звала, ждала Зайца. Не дозвалась, не дождалась. А тут и луна большая вышла, светло стало. Кукла-Акань достала заячьи зимние сапоги-топоры — починила. Белую зимнюю малицу выхлопала, залатала. А его всё нет и нет.

На рассвете примчал Шовр, мокрый по самые уши. Как упал на травяную подстилку, так сразу захрапел. Когда проснулся, Кукла его спрашивает:

— Отчего к вечерней еде не прибежал? Я тебя кликала.

— Я в свою избушку захожу, когда захочу, — отвечает Шовр.

— Так ведь мы уговорились друзьями быть, — возражает Акань-Кукла. — Я скучала, хотела твою песню услышать.

Отвечает сердито длинноухий Шовр:

— Я песен не пою, я песни пугаю. Вот как!

Скакнул он из-под коряги под куст. Там птичка щебетала. Выпорхнула птичка с жалобным писком, унесла свою песенку на восход солнца. И Шовр, не простившись, туда же запрыгал.

Обиделась Кукла, сложила рукодельный мешок, медный котелок и постель в кузов, в другую сторону пошагала.

Перешла она лужок, оказалась в кедровом бору. Возле одного дерева села отдохнуть, кто-то сверху её спрашивает:

— Чья будешь, красавица? Куда тропу ведёшь? Не друга ли ищешь в наших местах?

Поглядела Кукла, это Коршун-Курык её окликнул. Сказала Акань, кто она и зачем здесь. Курык слетел вниз и давай её сговаривать:

— Что далеко ходить? Я могу быть верным другом. Согласилась Кукла. Поднял её Курык в гнездо, сам на охоту улетел.

Прибралась Кукла-Акань, повышивала. Собралась вечернюю еду готовить. У Курыка амбара нет. Припасов нет. Надо самой добыть. Спустилась с дерева, нашла молодую кедровую шишку, которую Белка бросила. Сварила шишку в котелке. Звала, ждала нового друга. Не дозвалась, не дождалась. Взобралась по дереву в избушку Курыка, вынула его праздничную малицу и сохниры. А тут и луна большая вышла, светло стало. Зашила Акань дырявую малицу, на сохниры заплатки положила. А Курыка всё нет и нет.

На рассвете пал Курык в гнездо, мокрый, грязный, и захрапел. Когда проснулся, Кукла его спрашивает:

— Отчего к вечерней еде не поспешил? Я громко кликала.

— Я в свою избушку лечу, когда хочу, — отвечает Курык. Акань говорит:

— Мы решили друзьями быть. Я скучала. Хотела твою песню услышать.

— Я песен не пою, я песни съедаю! — сердито отозвался Курык. — И тебе одну принёс на завтрак.

Кинул он к ногам Куклы мёртвую птицу трещотку и улетел.

Схоронила дрозда-трещотку Кукла, дальше побрела. Миновала она кедровый бор и вышла к логу — таёжному оврагу, по дну которого ручей журчит.

Видит Кукла-Акань, висит на сучке у ручья крошечная чумашка

величиной с кукольный напёрсток. Зачерпнула Кукла студёной водицы раз-другой, напилась и говорит:

— Не знаю, кого благодарить. Вкусна вода, а из маленькой чумашки — вдвое. Кто тут хозяин?

— Я здесь живу, — отозвался кто-то из-под смородинового куста. Заглянула Кукла, а там паренёк-Улитка. Увидел он Акань, обрадовался:

— Маленькая красавица, как звать тебя? Не друга ли ищешь в наших местах? Я могу быть надёжным товарищем.

Рассказала Кукла о себе, решила остаться погостить в избушке паренька-Улитки.

Пополз новый друг на охоту, а Кукла хозяйничает: земляники набрала полон котелок, повышивала, потом праздничную малицу и обувку Улитки починила. Стала нового друга к ужину приглашать. Звала, ждала — не дозвалась, не дождалась.

Утром воротился паренёк-Улитка с охоты. Кукла-Акань спрашивает:

— Разве ты не слышал, я тебя к вечерней еде звала?

— Слышал, — отвечает Улитка, — да ведь я не быстро хожу.

— Откликнулся бы, — говорит Кукла, — я бы тебе ягод принесла.

— Не люблю, чтобы на промысле мешали, — насупился Улитка.

— Мы дружить решили, — напомнила Акань. — Я скучала, думала, наверное, ты хорошо песню поёшь, как твой ручей.

Паренёк-Улитка пробормотал:

— Я песен не пою. А тех, кто поёт, побаиваюсь. Одни меня раздавить могут, другие проглотить.

Тут послышалась с земляничного бугра чья-то громкая песенка. Паренёк-Улитка спрятался в избушку под смородиновый куст и дверь за собой на жёрдочку запер. А песенка звенит-разливается по лесу. Такая славная, радостная, что Кукла даже обидеться на Улитку забыла.

Стоит Кукла, слушает, а увидеть, кто поёт, из-за травы и кустов не может. Влезла на высокий пенёк, глядит. Девочка землянику берёт. Платье у девочки красное, по рукавам и подолу две белых полоски-бейки пристрочены. Платок у нее из разноцветных лоскуточков сшит. Нарядная девочка-песенница. Быстро-быстро её проворные руки мелькают, в узорный туесок землянику ссыпают. А песней она рукам помогает. Вот так:

— Добрый лес, тихий лес
Земляники мне припас,
Сколько спелых ягод здесь,
Соберу их все сейчас.
Добрый лес,
Светлый лес...
Ягод я не стану есть.
Земляникою твоей
Угощу я всех людей:
Бабушек и дедушек,
Славных малых детушек,

Молодых рыбаков,

Рукодельниц-девушек.

Матерям, и отцам,

И подружкам, и друзьям —

Понемножку всем раздам.

— Вот кто может быть настоящим другом! — воскликнула Кукла. От радости Кукла-Акань закружилась на пеньке.

Два медведя

Хантыйская сказка

Захотелось однажды бурому медведю по лесу погулять. Высунул он нос из берлоги и видит: хорошо в чаще, тепло, зелено, шумно.

Вылез медведь и пошел. Идет он, по дороге кусты ломает, малину ест, по мягким мхам перекатывается.

Шел, шел медведь — и дошел до самого моря. Подошел к берегу и смотрит.

А в это время северный белый медведь тоже погулять вышел: искупался, на берегу на камнях сидит, на солнышке греется, лапой за ухом чешет.

Решил бурый медведь подойти к нему.

У белого медведя от злости шерсть дыбом встала:

Обиделся бурый медведь:

— С каких это пор берег твоим стал? Твое царство — море. Там и живи. А земля — наша.

Рассердились оба великана. Встали на задние лапы, рычат, друг на друга набрасываются.

Пошел рев по всему берегу. Ломают медведи друг друга, только камни с берега в воду летят, да море стонет.

До полудня дрались. В полдень передохнули, а потом опять начали друг другу кости ломать да шкуру драть.

Дрались до вечера. Вот уж солнце в море опустилось.

Устали медведи. Сели на камни, спиной друг к другу. Отдуваются, лапами обмахиваются.

Помолчали. А потом бурый медведь обернулся и говорит:

— А ты, белый, сильнее меня. Зато я увертливее. Вот ни один из нас и не может другого одолеть. Должно быть, это еще и потому, что мы с тобой родственники: наши деды, говорят, родными братьями были.

Обернулся белый медведь, почесал затылок и отвечает:

— И верно: зачем драться? Разве на земле места мало?

— Знаешь, белый, ведь это я виноват, — говорит бурый медведь, — жить бы мне в чаще, не ходить к твоему морю.

— А мне бы, бурый, на твои лесные дороги не лазать, — отвечает белый медведь, — мне и в море места довольно.

Попрощались и разошлись медведи: бурый в чащу леса ушел, а белый нырнул и в море уплыл. Так с тех пор и живут.

Олень

Посреди большого леса, возле голубого озера Олень ягель грызет, Медведь чернику собирает, Заяц корнями трав лакомится, Лиса мышей ловит, Куница рыбу удит, Волк под сосной спит, только ночью на охоту выходит. А оводы, комары всех гложут, надоедают.

- Ох, - говорит Олень, - пойдёмте, давайте к морю, которое без конца и края. Там, мол, воля, ветер свистит - дует, кругом вкусный ягель, как шелк, трава растёт, в каждом озере рыбы плещутся, полно гам куропаток, утки летают, солнце закрывая, а мышей там точно много!

- Пойдёмте, конечно! - стали радоваться звери. Отправился Олень Ветвистые Рога. Другие за ним гонятся проворно:

Медведь - широкая борода. Лиса - красная шуба, острые зубы. Заяц - бежит вскачь. Куница - красивая шкура. Волк - шерсть будто пепел.

Идут, идут, ночь застала, легли спать. Олень у берега, Медведь под мох, Лиса под ветки, Волк на охоту ушел. Утром собрались опять. Идут, идут, ночь застала. Спать надо. Медведь спрашивает:

- Олень, Олень, а где край моря? Сколько дней уже идем, а моря еще не видно.

- Не печальтесь, придем, дней десять осталось идти.

- Десять дней?! - удивился заяц. - Что с тобой, Олень, наверное, ты бредишь?.. Ноги уже не прыгают, не пойду к морю. Останусь в этом лесу. Еще через день Медведь заметил, что подошвы ног стираются, стало больно:

- В этом лесу останусь, яму вырою, отдохну. Затем Лиса села на пенек:

- Какой красивый пенек! Полно здесь мышей! Дальше я не пойду. Мышей здесь половлю, поем.

Пятую ночь, шестой день идут. Сильно уже устали. Куница побежала к высокому дереву, забралась да увидела Куницу-самку.

- До моря далеко, женюсь да здесь останусь.

Осталось двое: Олень и Волк. Волк язык высунул, кряхтит:

- Умру здесь, наверное. Лучше останусь. К морю я не пойду, что там буду искать? Вот там деревню видно, ближе к ней обоснуюсь - всегда сыт будет.

Один остался Олень, ноги еле несут. Пришел к широкой реке надо ее перейти. Вошел Олень в воду, сносит его быстрым течением. Ладно плавать умеет, сил нет, еле перешел. На берегу передохнул.

Смотрит, много Оленей там бегают, а впереди без конца море виднеется. Подошел к морю, соленой воды попил. Сил у него прибавилось. Ветерок дует весело.

- Приветствую тебя, море! Я здесь буду жить!

С коми-языка перевел А.Е. Рокина

Кит и олень

Идет по морскому берегу Олень, а Кит из воды кричит:

- Эй, Олень, давай поборемся, кто сильнее - ты и я? - Давай поборемся! - сказал Олень. Олень свил веревку из травы, а Кит - из морских водорослей. Связали они веревки вместе. Надел Олень на плечи через шею веревку. Кит за хвост себе зацепил. Потянули каждый в свою сторону: Кит - в море, Олень - в тундру.

Бьет Кит хвостом по воде, только брызги летят. Ушел Олень по колено в землю. Но не сдаётся. Вдруг, как лопнет веревка! Кит ушел на дно морское. Олень улетел далеко в тундру. С тех пор Олень не живет на морском берегу.

КАК ОЛЕНЬ К ЧЕЛОВЕКУ ПРИШЕЛ

Давно это было. Так давно, что и не скажешь когда. Жил на северной земле охотник. Не так жил, как мы живём: ни оленей, ни нарты у него не было. Стрелял этот охотник Лук он сделал из ствола молодой ивы, а тетиву скрутил из своих длинных волос. Стрелу охотник изготовил из сухой ветки, а острый наконечник к ней - из крепкого камня кремня. Этой стрелой охотник мог убить всякого зверя, бить на лету любую птицу. Был у него каменный топор да кожаный мешок. Только и всего.

Недолго жил охотник на одном месте. Разве можно ему на одном месте быть! Ищет зверя, ищет птицу, кочует по тундре.

Как-то раз отправился он на новое место. Идёт по тундре, прислушивается, присматривается. Вдруг слышит: волки страшно воют, кого-то гонят. «Кого это они гонят?» - думает охотник. Остановился, положил мешок на камень, стоит, ждёт.

Вдруг видит, бежит в его сторону большой олень. Запыхался, хрипит. А волки окружили его со всех сторон: один справа нападает, другие слева кидаются. А один вцепился зубами в олений хвост и висит на нем.

Заметил олень охотника - прямо к нему кинулся. А волки словно не видят охотника — не отстают от оленя: рычат, зубами щёлкают, нападают на него.

Олень всё ближе к охотнику подходит, смотрит на него, кричит, словно просит: «Помоги! Спаси!».

Понял охотник, что олень у него защиты просит. «Убью волков!» - думает. Стрелой с волками не справишься - на них другое оружие надо. Вытащил охотник из-за пояса тяжёлый каменный топор, крикнул громко и бросился на волков.

Так ударил, что волк далеко отлетел.

Крикнул охотник ещё громче и кинулся на других волков. Вою волки, щёлкают зубами, кидаются на него. А он не отступает, топором их бьёт.

Иди теперь, не бойся, не тронут тебя! - говорит охотник оленю, После того поднял он свой лук, взвалил на спину кожаный мешок и пошел

дальше.

Шагов сто прошел, слышит, олень за ним идет.

Остановился охотник, обернулся. И олень остановился. Стоят, смотрят один на другого. Охотник спрашивает:

— Зачем за мной идешь?

Олень смотрит на него, будто что-то сказать ему хочет. А что сказать хочет - непонятно.

Постоял охотник и пошел дальше. А олень опять за ним. Охотник на гору - и олень на гору. Охотник через болото, и олень через болото.

Так они шли день, шли два дня. Ночью охотник спать лег - и олень лег возле него. Утром охотник встал, дальше пошел - и олень встал, за ним пошел. Так и остался навсегда у человека олень, помощником его стал. Человек оленя пасет, от волков оберегает, а олень ходит в упряжке, возит человека на нартах.

Много теперь оленей на северной земле!

Домашний и дикий олень

Давно это было. Говорят, жил у одного оленевода старый олень. Много повидал этот олень на своем веку, много лет возил на нартах своего хозяина и его детей, однажды этот олень ушел далеко от стойбища добывать ягель.

Однажды увидел он диких оленей. Подошел к нему дикий олень и говорит:

- Пойдем с нами!

- Зачем зовешь меня? - спрашивает домашний олень. - Ты живешь у хозяина и делаешь, что он захочет.

А с нами будешь свободный, как ветер. Жить будешь, где захочешь. Бежать захочешь - беги на все четыре стороны. Все тропы и холмы будут твои и все пастбища будут твои. Захочешь воды попить - все реки и озера твои. Никто тебя не заставит аргипить, когда захочется отдохнуть, никто не прогонит с поляны, где много ягеля и грибов.

- Нет, не хочу с вами, - говорит домашний олень. Почему не хочешь? - спрашивает дикий олень.

- Когда на нас нападают волки, мы зовем людей, и они копьями стрелами прогоняют волков. А кто защитит диких оленей? Вот почему я не хочу к вам.

Хозяин спасает тебя от волков. Но хозяин запрягает тебя в нарты и заставляет везти себя. А когда ты везешь нарты с тяжелым грузом - я через горы слышу, как ты хрипишь, - говорит дикий олень.

Да, мне тяжело бывает, и я очень устаю. Да, мне трудно дышать, и хрипы мои далеко слышны. Да, мне очень тяжело бывает, когда хозяин много-много настреляет диких оленей и нагрузит нарты свежим мясом, - отвечает домашний олень. - Но как же я его оставлю?

Постоял дикий олень, подумал и, ничего больше не сказав, со своим стадом побежал дальше.

А домашний олень к своему стойбищу вернулся.

С той поры домашний олень дружит с человеком. Он на нартах перевозит его тяжелые грузы и катает его детей. Дает ему свой теплый мех.

Человек заботится о домашнем олене. Отгоняет от него волков.

Летом, когда много комаров, разжигает костер, чтобы прогнать их прочь от своего друга - оленя.

А дикий олень вольно кочует со своим стадом по тундре.

Олень и его товарищ.

Захотелось молодому оленю по белому свету побродить, новые места посмотреть.

- Отговаривать не стану, - сказал ему отец, - но знай: нелегко тебе будет.

- Ничего!.. Я собираюсь не один, а с товарищем. Он никогда не оставит меня в беде.

- Это хорошо, что у тебя такой надёжный товарищ. Расскажи что-нибудь о нём.

- Мы шли по узкой тропинке. Дорогу преграждал большой камень, обойти его было нельзя. Тогда мой товарищ упёрся плечом и оттолкнул его в сторону. Вот он какой!

- Твой товарищ силен, - похвалил старый олень. - Но всё же я буду беспокоиться о тебе.

- Когда мы возвращались домой, на товарища с дерева неожиданно бросилась рысь. Но он не растерялся, стряхнул рысь со спины и победил её в открытом бою.

- Спору нет, твой товарищ отважен и ловок. Это очень хорошо. Но всё же я буду беспокоиться о тебе.

- А вот послушай ещё о нём, - продолжал молодой олень. - Гуляли мы раз недалеко от реки и нам захотелось пить. Но по дороге к воде мой товарищ почуял запах какого-то хищника. «Нам грозит опасность!» - шепнул он мне, и мы умчались, как ветер.

- Твой друг умён и осторожен. Но я буду беспокоиться, пока не увижу тебя дома, - вздохнул старый олень.

- А потом мы отдыхали в чаще. Видим: волк гонится за козлёнком и вот-вот нагонит его. Мой товарищ не усидел в кустах. Он бросился наперерез волку и так ударил его рогами, что тот с перепугу чуть из шкуры не выскочил.

- Это самое лучшее, что ты мог сказать о нём - обрадовался старый олень. - Твой товарищ благороден. Теперь, сынок, я за тебя спокоен.

КАК ОКУНЬ ПОЛОСАТЫМ СТАЛ

Хорошо Зайчонок бегал наперегонки. Очень ему хотелось и Выдрёнка этому научить.

«Пойду-ка,— думает,— научу бегать Коротконожку»,— он так в шутку звал своего друга.

Прибежал к речке, где жил Выдрёнок, видит — лежит тот в воде у самого берега и медленно пошевеливает своим маленьким хвостиком, похожим на дождевого червяка.

— Ты что, Коротконожка, нежишься? Давай бегать наперегонки!

— Я устал. Лучше присядь ко мне да Расскажи, с кем бегал и кого обогнал.

Зайчонок начал было хвастать, а Выдрёнок как закричит:

— Ой-е! Кто-то меня за хвост поймал! Аю-аю! Больно мне! Ой-е, тащит меня в реку кто-то!..

Видит Зайчонок, и впрямь Выдрёнок дальше и дальше от берега двигается. Поймал он друга за передние лапки, тянет его к себе и кричит:

— Соболята! Лисята! Бегите, помогите мне!

Прибежали соболята, лисята, ухватились за Зайчонка, помогают ему тянуть. Тянут, а Выдрёнок — ни с места. Тогда Зайчонок крикнул Утке:

— Утка, нырни, пожалуйста, в воду, узнай, кто поймал моего друга!

Утка крякнула своим утятам:

— Кря, прячьтесь скорее в камыши! А сама нырнула в глубину.

Утята были послушными, с одного слова понимали свою мать: шлёп-шлёп по воде да и скрылись в камышах. Утка вынырнула из воды и закричала:

— Кря-кря! Это он, он, обжора! Он тогда моего утёнка за лапу поймал.

— Да что ты — всё «кря» да «кря», говори толком — кто поймал моего Коротконожку?

— Да кто же ещё, как не толстошкурый Окунь!

Тянут зверята Выдрёнка, кружит над ними Утка, бьёт крыльями и крякает:

— Вот так, так, тяните, тяните, не давайте Выдрёнка злому, горбатому Окуню.

Вот уже у Выдрёнка спина показалась из воды, а за ними голова Окуня. Крутит Окунь злыми жёлтыми глазами, тянет Выдрёнка к себе.

— Кря-кря! — кричит утка. — Вы посмотрите, ещё и не отпускает его хвостик. Вот разбойник! Вот ненасытный! Ну, сейчас мы его проучим! Дети мои, утята, берите по хворостинке и беги те, хлещите его. А я буду клевать в голову.

Хлещут утята Окуня, где ударят — там на его шкуре полоса остаётся. Утка его клюёт — сердится Окунь, краснеют его передние плавники от злости. Наконец выпустил он изо рта хвостик Выдрёнка и скрылся под водой. Чуть отплыл, высунул голову из воды и засмеялся:

— Ха-ха, а мне и не больно, совсем не больно. У меня шуба толстая. А ваш Выдрёнок пусть никогда больше не играет своим хвостиком, не дразнится. А будет — поймаю и утащу к себе.

Он метнулся высоко над водой, изогнулся, как радуга на небе, и ушёл в своё царство.

С тех давних пор Окунь стал полосатым, с красными передними плавниками.

ЗАЙЧОНОК И КОМПОЛЭН

Подрос Зайчишка Хочу Не хочу и теперь без отца и матери гулял в лесу. Как-то возвращался домой и повстречал в лесу голодного Колонок. Колонок облизнулся, оскалил острые зубы, выпустил сильные когти и бросился на Зайчонка.

Зайчонок не оробел. Он прыгнул через Колонок и помчался. Бежал-бежал, чуть не наскочил на Лося.

— Ты что, малыш, носишься как угорелый? Чуть с ног меня не сбил,— пошутил Лось.

- Дядя Лось, спрячь меня! За мной гонится Колонок, -- задыхаясь от бега, прошептал Зайчонок.

— Знаю, знаю я эту соболиную породу. Им бы только обижать добрых зверей,— ответил Лось. — Но ты, малыш, не бойся, Колонок сюда не придёт, он слышал о моих рогах и копытах.

Посмотрел Зайчонок на красивые, сильные рога Лося, на его копыта и подумал: «Хорошо иметь такие крепкие копыта и сильные рога». Он печально вздохнул и спросил Лося:

— А кого мне бояться/л никого не пугаю,никого не обижаю, и меня никто не трогает.

Опустил Зайчонок глаза и тихо сказал:

— Я бы тоже хотел никого не бояться, а всех боюсь. Это, наверное, потому, что нет у меня копыт на лапках и рогов на голове.

— Это ты, малыш, напрасно так говоришь. Тебе даны длинные, увёртливые ноги. Это совсем неплохо. — И добавил: — Земля и небо одним умом живут. Они знают, кому что дают.

— Я хочу, чтобы у меня были такие рога, как у тебя, дядя Лось.

— Зачем тебе такие рога?

— А я хочу, чтобы все меня боялись.

— Кого бояться, того не любят. От таких даже друзья уходят,— сказал Лось.

Подумал Зайчонок и сказал:

— Нет, я не хочу, чтобы от меня уходили друзья. Добрые, мудрые слова Лося успокоили Зайчонка. Он сказал Лося спасибо и побежал домой.

Но разговор Зайчонка с Лосем подслушал злой Болотный Дух Комполэн и решил посмеяться над малышом.

Комполэн обернулся Лосем и вышел навстречу Зайчонку:

— Малыш, я думал-думал и надумал подарить тебе свои прошлогодние рога. Пойдём в Маленький бор, там лежат мои рога.

Пришли они в бор. Комполэн сделал ногой ямку в земле, поставил над ямкой рога и сказал:

— Ну вот, ложись в ямку, прижмись головой к рогам и жди, пока они прирастут к твоей голове.

Ушёл Комполэн в тёмный лес и громко захохотал. Долго хохотал над глупым Зайчонком.

Зайчонок лежал-лежал, устал, есть захотел. Ну-ка думает, пошевелю головой, может, уже рога приросли. Только он пошевелил головой, рога упали и придавили уши Зайчонка. Он застонал от боли и начал, упираясь всем телом в землю, тянуть из-под рогов уши. А уши только растягиваются.

Измучился Зайчонок, потерял последние силы и заплакал.

Недалеко от того места, где лежал и плакал бедный обманутый Зайчонок, мама Мышь со своими детьми прогуливалась. Услышала она голос Зайчонка и пришла к нему.

— Ах, бедняжка! — сказала она и крикнула своим детям: — Дети, скорее залезайте под голову Зайчонка, выгребите землю из-под его ушей!

Мышата выгребли землю, углубили ямку, освободили ушки Зайчонка. А Зайчонок с тех пор хорошо запомнил Комполэна и не верил ему.

Умный Сойтын

Все знают, что Лисица хитростью кормится. Увидит за богатым завтраком Росомаху, подойдёт близко к ней, сладко пооблизывается, слюнки с голоду поглотает и скажет:

— Красавица, что это к тебе Медведь крадётся?

— Где ты, Лиса, Медведя видишь?

— Да он там, за большим обгорелым чёрным пнём.

Побежит Росомаха к чёрному пню, а Лисица ухватит хороший кусочек мяса и скроется, а после сытного завтрака лежит нежится на солнце.

Так всё лето у Лисицы дни идут: завтракает у Росомахи, обедает у Медведя, ужинает у Волка, а захочет свежей рыбки — сходит в гости к Выдре.

А зимой всем зверькам бывает и голодно, и холодно — трудно пищу найти. Зимой Лисице приходится мышковать, по многу времени пронюхивать снег, улавливать запахи мышей, потом ловить их.

Однажды выманила она из-под пня Сойтына — Мышонка и хотела его съесть. А Сойтын ей и говорит:

— Тётушка Лиса, я так хочу поиграть в прятки! Поиграй, пожалуйста, со мной.

Лисица подумала-подумала и надумала: «Однако, позабавлюсь Мышонком, поиграю с ним в прятки, а потом всё равно его съем. Разве может меня, такую умную да хитрую, перехитрить такой Мень Пель — маленькое ухо?»

— Ну, ладно, Мень Пель, поиграем. Давай говори свою считалку. И Сойтын начал:

— Тебе камень, а мне пять. Тебе под язык, а мне на язык. Мне помнить, тебе забывать. Тебе, тебе, тётушка Лиса, искать меня!

Увидел Мышонок доброго Лося, что пасся рядом в осиннике, стремглав взобрался по его ноге ему на шею, а потом на самую высокую ветвь его рога и притих.

Ищот-ищет Лисица Мышонка и никак не может найти, сердится:

— Откликайся, Мень Пель!

А Мышонок пикнет и снова молчит. Лисица снова ищет и шепчет: «Мень Пель, Мень Пель, найду тебя и всё равно съем!»

Чует Лисица, что он где-то рядом. Вот она и спрашивает Лося:

— Лось, ты тут не видел мышонка?

— Нет, не видел.

— Лось, а в ухе у тебя не шумит?

--- Нет, не чувствую. А что тебе до моего уха?

— Я думаю, что твоё ухо большое, а Мышонок так мал и лёгок, что ты его просто не чувствуешь. Может, наклонишь голову, я поищу Мышонка в твоём ухе?

Мышонок услышал слова Лисицы, испугался, а потом нашёл, что ему сделать.

Когда Лось наклонил голову, Мышонок с высокой ветви рога прямо к своей норке спрыгнул и юркнул туда.

Лисица увидела, как мелькнул хвостик Мышонка в норке, и бросилась за ним.

— Ты что, Сойтын-умный, запрятался? — А я больше не хочу с тобой играть, ты не умеешь играть в прятки.

— Ах так. Я сейчас тебя задавлю

Соберу хворост со всего леса и сложу поверх твоей норки, и из тебя получится блин - вись нянь. Ладно уж, разрешаю тебе ещё поглядеть на белый свет. Давай выходи из норки, погляди, а то больше ты его не увидишь.

А Сойтын смеётся над Лисицей:

— Тётушка Лиса, не хитри, лучше заходи ко мне в гости. Только хорошо гляди, в серкан — ловушку не попади, я поставил его у самого входа.

— Ах вот как ты, Мень Пель! Ну, берегись!

Лисица долго стаскивала хворост со всего леса и складывала его поверх норки Мышонка. Исколола свои лапки Лисица, помяла шубку. Устала, села на высокую кучу хвороста и заплакала:

— Глупый Мень Пель, не хотел, чтобы я тебя съела, теперь задохнёшься под хворостом.

Мудрый Лось от удивления хлопнул своими большими ушами, засмеялся:

— Выходит, рыжая, хитрость твоя не от большого ума. Разве хворостом Мышонка задавишь? Он давно уже через другой выход убежал.

— то, милая, всем нужна.

ОТКУДА СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ПОШЛО

ЛЕГЕНДА

— Давно-давно, когда ещё олени с людьми не дружили, когда ханты и манси не ездили, не летали, а по лесам и болотам ходили, себе пищу добывали, а мудрые древние старики говаривали: «Не пойдёшь — не пожуёшь», «Не походишь — не поешь», в вершине речки Найдёной стояло стойбище древних манси. В стойбище у всех были дети, только одной семье духи не послали детей. Долго муж с женой просили духов, чтобы послали им дитя.

— И вот, когда их жизнь шла к старости, как день к вечеру, у них родилась дочка. Стали думать родители, как назвать её.

— Выбрать бы имя такое, чтобы принесло оно ей счастье, — вслух размышляла мать. — Родилась она у нас в вечернюю зарю. Вечериною

назвать, что ли? Однако вечер — пора отдыха, сна, как бы наша дочь не выросла ленивой да сонливой.

— Не бойся, мать,— сказал отец. — Утро зарождается вечером. Назовём Вечериною, может, увидит дочь в жизни своей свет утренней зари с вечера.

— Ты, отец, в сказки ударился,— возразила мать.

— Сказки наши тоже вечером у ярких костров рождаются,— ответил отец. — А после сказок сны красивые снятся, в руках и ногах силы прибавляется, плечи становятся крепкими, спина меньше гнётся к земле. Пусть Вечерина будет для людей сказкой вечерней с горячим живым огнём в сердце, пусть согревает людские сердца своим теплом.

Мать согласилась. Взяла свою малютку и понесла к костру, чтобы показать её всем.

Старая мудрая женщина дольше всех смотрела на девочку, а потом сказала:

— Люди мои, эта девочка не похожа на тех детей, которых я видела. На её лице, как на небе, сходятся две зари — вечерняя и утренняя. Она нам всем принесёт много радости.

Люди, обрадованные словами мудрой женщины, оживились, стали петь и плясать вокруг костра. Только Комполэн — Болотный Дух рассердился, побежал по болотам и борам с диким криком и визгом. На деревья налетал — деревья ломались и со стоном валились мёртвыми на землю. Птицы напугались — разлетелись в разные стороны. Звери убежали в дальние урманы, рыбы на дно речки легли.

Всех распугал Кополэн — Болотный Дух: не выносил он, когда люди радовались.

Костёр погас — погасла и радость у людей. Тяжело стало жить. Ходили манси с утра до вечера по лесам и урманам, искали зверя, да мало находили. Уж Вечерина выросла, на охоту стала ходить, а охота всё ещё была бедной и неудачливой.

Как-то Вечерина возвращалась с охоты и наткнулась в лесу на маленького, слабенького оленёнка. Он лежал с вытянутыми ногами и откинутой головой, как сломанная веточка в засуху. Долго шла, сама очень устала. Тяжело было идти с живым грузом, но радостно. Идёт и шепчет:

— Живи, олешек, живи. Вот принесу домой — ухой отпою, и ты поправишься.

Уха заменила оленёнку молоко, он стал подниматься на ноги и есть сочную траву. А когда совсем окреп, Вечерина стала водить его на самые лучшие кормовые места. Пасёт целый день, а вечером разведёт дымокур, сядет сама на пенёк, а олешек уляжется у её ног. Вечерина поёт ему тихие колыбельные песни. Дымокур комаров отгоняет, ласковая песня сон навеивает. Оленёнок глаза закрывает. А Вечерина гладит тёплой ладонью бугорочки у него на голове и поёт о том, чему научила её старшая мать — Земля, и о том, что младшая мать, качая её, напевала:

Баю-баюшки-баю, Песню тихую пою. Спи, олешек милый, набирайся силы. Будут сильны ножки, Отрастут и рожки, Как сосны, ветвисты; Как солнце, лучисты... Опустит ресницы — Сон тебе приснится, Лесом к людям идёшь — Солнце на рогах несёшь. Пусть растут рога. Не от зла, а от добра.

Уж оленёнок крепко спал, а Вечерина всё пела и пела. Берёзки в

полусне ей подпевали, золотистые сосны тихо подыгрывали. Только беспокойные осиновые листочки дрожали и тихо друг другу шептали:

— Ой, не услышал бы злой Дух Комполэн эти песни. Подслушал их шёпот Филин и громко пробухал:

— Бу-бу-бу! Не бойтесь злодея: ласточки ему уши заткнули, землёй законопатили.

Спит олешек, спит земля, и облака давно легли на тёмные бока. Ветер задремал в лесу под деревьями. Только ветерочки над оленёнком, над Вечериной тихо летают — слушают песню. Потом взяли ветерочки в свои ладошки тихую песню да дым от дымокура и разнесли по лесам, раздали зверям.

И потянулись звери к дымокуру и Вечерине. Первыми пришли олени, за ними лоси. Медведь пришёл, нос свой к дымокуру повернул.

Много дней Вечерина у дымокура зверей принимала, от комаров их охраняла да песни им пела. Уж олешек окреп, повеселел, с оленятами да лосями бегал, резвился, бодался — свои силы пробовал.

Долго ли, коротко ли это тянулось, только то время прошло. Оленёнка корма выкормили, воды отпоили, дожди обмыли, снега отбелили, а ветры смелости научили. Стал он взрослым, сильным, красивым. В стаде не шёл, а белым чистым облаком плыл.

Теперь он не только сам вечерами к дымокуру приходил, но и многих друзей приводил. А Вечерина целыми днями сухие пни да грибы древесные собирала, много дымокуров раскладывала, тихой, сердечной песней всех убаюкивала.

Прошло лето, наступила осень, закружились белые комары-снежинки. Холодно стало на сердце у Вечерины. Думала: уйдут от неё друзья-олени — кому она станет колыбельные песни петь? Умный Белый Олень понял её, подошёл к ней, прикоснулся тёплыми губами к её рукам и щекам, словно молвил: «Мы с тобой будем, сестра моя, только позови».

Обрадовалась Вечерина, поблагодарила Белого Оленя, потом надела на него сбрую, расшитую узорами, украсила рога яркими лентами, села на лёгкие нарточки, взяла резной хорей в руки. Оттолкнулся Белый Олень от земли своими лёгкими, сильными ногами и взвился высоко-высоко в небо. И поплыл по поднебесью птицей парящей, легонько касаясь неба ветвями украшенных рогов — полосы в небе от оленьих рогов заколыхались. Протянула Вечерина руку, дотронулась до них — и ожили полосы, заискрились, вспыхнули ярким, живым разноцветьем северного сияния.

Переливчатое многоцветье красок обьяло ледяную мансийскую землю, проникло в избушки сквозь маленькие оконца, затянутые Матовыми лосиными пузырями вместо стёкол, осветило тёмные углы низеньких избушек, озарило радостью тоскующие по свету лица манси. Захлестнуло радостью их сердца и позвало под цветное небо, в трескучий мороз.

Выбежали манси на улицу, увидели под радужным небом Вечерину и её Белого Оленя. А те медленно плыли под полыхающими полосами, легко касаясь их, как струн древнего санквылтапа, рождая цветную музыку. Музыка половодьем разливалась по небу, скатывалась на землю и радовала манси.

С тех давних-давних пор в морозные ночи, когда загорается северное небо разноцветным сиянием, у манси наступает праздник: выходят они

на улицу танцевать, с ними невидимо кружится и Вечерина.

Как ворон и сова друг друга покрасили

(Эскимосская сказка)

Давно это было. Дружно жили ворон и сова — вместе добывали пищу, делили всё поровну, нужды не знали. Долго они прожили, состарились и стали от седины белее снега.

Вот однажды сова и говорит ворону:

— Совсем мы с тобой постарели, а красивым так никогда и не были. У всех птиц пёстрые наряды — красные, чёрные, серые, а нас с тобой только коротким летом и видно.

— И то правда,— сказал ворон,— не видно нас когда мы на снегу сидим.

— А давай разукрасим, друг друга,— предложила сова. - Сначала ты меня, а потом я тебя.

Согласился ворон. Взял он чёрный жировой нагар от светильника, выдернул из своего хвоста перо и велел сове приготовиться. Сёла сова на камень и ворон осторожно стал её раскрашивать. Ходит вокруг камня и рисует на каждом перышке красивые чёрные пятна. Раскрашивает ворон сову, а сам думает: «Постараюсь её красавицей сделать. Увидит она мою работу и меня тоже красавцем сделает».

Долго ворон старался. Надоело сове сидеть, думает: «Замучил меня ворон. Вот придёт его очередь, так я его вмиг раскрашу».

Наконец закончил ворон работу и говорит:

— Смотри, какой красивой я тебя сделал! Теперь подсохни на ветру и меня покрась!

Подсохла сова на ветру и велела ворону приготовиться. Ворон сел на камень, а сова говорит:

— Нет, садись рядом с камнем. Я по-другому тебя красить буду. Закрой глаза, а откроешь, когда я скажу!

Сел ворон у камня, глаза зажмурил, ждёт. А сова тем временем взяла светильник с чёрным жировым нагаром, встала на камень и облила ворона с головы до хвоста. В один миг почернел ворон.

— Теперь,— говорит сова,— подсохни на ветру, а потом открой глаза и посмотри на себя. Хотя я и быстро тебя покрасила, но теперь и зимой и летом всякий тебя заметит!

Подсох на ветру ворон, открыл глаза и закричал:

— Что ты наделала! Ты сделала меня чёрным! Теперь каждый зайчишка, каждая мышка издали увидят меня! Как же я буду добывать себе пищу? Ты сделала меня заметным!

Сова сказала:

— Сам же хотел быть красавцем!

Совсем рассердился ворон:

— Я так старался тебя разрисовать! Ты теперь красавица! А меня ты сделала чёрным! И дети мои будут чёрными! Уходи отсюда, сова, уходи!

Испугалась сова. Улетела подальше от ворона. С тех пор ворон стал чёрным, а сова — пёстрой. И старается сова не встречаться с вороном — боится его.

Камень, Ручей, Сосулька и Солнце

Наконёц-то, наконец-то выдался настоящий весенний денёк! В лесу тепло, от ясного солнышка светло, капель весело перезванивает. Звери да птицы радуются: зайцы прыгают, тетерева бормочу, синицы бубенчиками разливаются.

Хорошо в лесу!

На опушке старый Камень-валун хвалится:

— Мне кланяйтесь, меня благодарите. Это я весну делаю!

— Неужели ты, дедушка? — спрашивают звери птицы.

— Я, детки, я! Вот у меня какие бока горячие.. Вокруг меня снег тает, рядом со мной травка показалась, ко мне бабочки летят греться. Кабы не я, и весны не было бы!

— Ах ты, старый лежебока! — кричит с поляны: звонкий Ручей. — Не хвались попусту! Тебе повернуться лень, а я вот день-деньской в работе. Пускай все мне кланяются, пускай меня благодарят!

— Значит, ты, Ручей, весну делаешь?

— Я, глупые, конечно, я! Поглядите-ка — я снег растапливаю, лёд просверливаю, деревья и травы живой водой пою... Какая же без меня весна?!

— Ай, болтун! — кричит Сосулька с еловой лапы. — Не слушайте его, пустомелю! Мне кланяйтесь, меня благодарите!

— А разве ты, Сосулька, весну делаешь?

— Ещё бы не я! Одна только я! Как начну слезы горючие лить, как стану булькать на весь лес. — Вот вам и весна... Разве иначе весна начнётся?!

Не успела Сосулька договорить. «Кап» - умолкла. Потому, что Солнышко за лес закатилось.

Закатилось Солнышко, спряталось — тут и камень-валун остыл, и Ручей заледенел, и Сосулька обмёрзла.

Молчат. И сразу стало ясно, кто весну-то делает.

Как появились разные народы (долганская сказка)

Давным-давно, в старину, зимы были очень холодные. Однажды поднялась страшная пурга. И был такой мороз, что люди боялись выйти из чумов. Гуси, утки и другие птицы зарылись в снег, чтоб согреться.

Но один смелый человек не побоялся отправиться в путь искать тёплую страну. Долго ходил он по земле и когда вернулся, сказал своему народу:

— Я нашёл тёплую страну.

Услыхала слова смелого человека уточка-чирок и рассказала всем птицам о тёплой стране. Гуси, лебеди, журавли поднялись в небо и полетели. И люди из племени смелого человека, который нашёл чудесную страну, тоже стали собираться в дорогу.

Смелый человек сказал:

— Теперь вы знаете про эту страну — доброго вам пути! А я останусь, где родился.

Он сшил себе меховую шубу, чтобы спасала от мороза. Вывернул её наизнанку, надел — и превратился в птицу луня.

А люди, которые пошли в тёплую страну, шли все вместе, держались друг за друга и кормились тем, что подстреливали по пути дичь. Стреляли они из луков. А чтобы стрелы летели без промаха в цель, привязывали к ним орлиные перья.

Однажды они убили большого орла и стали делить его перья.

Один человек обиделся, что ему мало досталось орлиных перьев для стрел. Он крикнул другому:

— У тебя больше перьев! Никогда не буду с тобой говорить на одном языке!

Поссорились все из-за орлиных перьев, разошлись по тайге в разные стороны и стали говорить на разных языках.

Так появились долгане, эвенки, якуты, нанайцы...

ЖЕНЩИНА-КУКУШКА

Была когда-то кукушка женщиной. Сидела она однажды, и шила. Захотела она пить и попросила своих детей принеси ей водички. А дети матери не послушались, воды ей не принесли. Долго мать просила. Рассердилась она на своих детей. Превратила мать дощечку, на которой она кроила шкурки, хвостовое оперение, утиные крылышки, которыми пол под тали, в собственные крылья, а напёрсток превратила в нос. И решила она улететь из дома.

Летит она, летит, а дети с ковшиком в руках за ней бег и плачут. Но где уж им догнать летящую на крыльях мать. Зовут дети свою маму, просят вернуться. А она села на верши: ели и кричит:

— Кук-кук! Кук-кук! Поздно, поздно...

Вот так и превратилась в птицу-кукушку. И с тех пор кукушка гнезда не вьёт, своих птенцов не выводит.

Маснэ и зайчонок

На берегу речки стоял маленький-маленький домик. В нем жила бабушка Петось со своей внучкой Маснэ. Маснэ дружила с Зайчиком. Каждое утро, только солнце осветит землю, обсушит росу, Зайчонок уже бежит к девочке. Прибежит он к домику и кричит:

— Маснэ, вставай. Пойдем на берег и будем из песка строить

чумы, лесные избушки.

Маснэ еще маленькая, хочется ей поспать, но услышит Зайчонка, встает и бежит к нему играть.

— Спала бы подольше, сидела бы потише, так нет, надо играть и последнее платьишко рвать. А я совсем ослепла: не то что сшить новое — даже старое залатать не могу. Хватит бездельничать.

И решила бабушка. — «Надо научить Маснэ шить».

На другое утро бабушка говорит внучке:

— Маснэ, вставай, солнце осветило все углы нашей избушки. Сегодня будешь учиться шить.

Усадила она внучку. Взяла узорный ватлан, сняла с него крышку, достала вышитую подушечку-игольницу, нитки и разноцветные лоскутки.

— Внученька, — говорит бабушка Петось, — прежде надо знать, что иголку в рот брать нельзя, в свое платье втыкать нельзя, на пол бросать то же нельзя. Иголку надо на место прибирать — в подушечку-игольницу втыкать. Вначале надо отстричь короткую нитку, конец нитки заострить, потом в ушко иголки вдеть, узелок завязать, только тогда можно шить. Посмотри, как я буду делать.

Но внучка слушала и не слушала бабушку. Все бабушкины слова ей в одно ухо влетали, а в другое — вылетали. Она все думала, как они с Зайчонком будут играть.

— Маснэ, вот тебе мой халат — залатай его. Я пошла.

Взяла Маснэ ватлан, бабушкин халат, уселась на крыльцо и принялась за работу. Оторвала нитку, не заострила ее и начала вдевать в ушко иголки. Иголка завертелась, засмеялась:

— Ой-ой, что ты, Маснэ, делаешь, мне щекотно. Ой-ой, хи-хи-ха-ха!

Вертелась, вертелась она и уколола Маснэ палец. Девочка отдернула руку и выронила иголку, а она покатила к реке, упала в воду и утонула. Заплакала Маснэ горько: жалко иголку, и палец болит. Прибежал Зайчонок, скачет вокруг Маснэ, спрашивает:

— Что, Маснэ, плачешь?

Ничего она не отвечает, слезами заливается. Зайчонок присел у ее ног и тоже завсхлипывал. Маснэ услышала, как плачет ее друг, и спрашивает его сквозь слезы:

— Миленький Зайчонок, ты-то отчего плачешь?

— Я плачу потому, что тебя жал-л-ко-о-о!

И Маснэ рассказала, что с ней приключилось. Зайчик погладил ее и сказал:

— Это не беда. Сейчас я найду твою иголку.

Долго Зайчонок искал в воде и вдруг в зарослях увидел сразу несколько иголок торчком.

— О-о-о! — воскликнул он. — Целая игольница.

Вместо одной иголки вон сколько я нашел. Вот Маснэ будет рада!

Схватил он иголки и заревел:

— Ай-ее-е! Ой-е-е! Аю-аю! Больно, больно!

Подбежала к нему Маснэ, слетелись бабочки, прискакали лягушки. С кедра Бурундучок спрыгнул. Из воды высунул свою темную мордочку Выдренок. Все увидели, что вытащил Зайчонок на лапке огромного Ерша. Бросились они помочь Зайчику стащить с Ерша пестрый халат.

Подбежала к нему Маснэ, слетелись бабочки, прискакали лягушки. С кедра Бурундучок спрыгнул. Из воды высунул свою тёмную мордочку Выдрёнок. Все увидели, что вытащил Зайчонок на лайке огромного Ерша. Бросились они помочь Зайчонку стащить с Ерша пёстрый халат. А Ёрш надул щёки до белизны, замахал плавниками и сам вырвал свои острые колючки из лапки Зайчонка, шлёпнулся в воду.

— Аю-аю!

— Кэ-кэ! - крикнула старая Лягушка. — Высасывай скорей ершовый яд! После ершового укола костоед приключается.

Высосал Зайчонок ершовый яд из лапки, завязала Маснэ лапку листочками подорожника. Поблагодарил Зайчик Маснэ и снова принялся искать иголку.

Бродит Зайчик в воде, а над ним свищет, сердится Ветер;

— Что ты тут в воде бродишь, мешаешь мне?

Взмахнул Ветер крыльями, перекувырнул Зайчика в воде, а потом выбросил на берег. Зайчонок вскочил на ноги, заухал:

— Ух-ух-ух, ну и Ветрище, что со мной сделал.

Страхивает Зайчик воду со своей серенькой шубки и слышит— шипит волна:

— Вшис-с-с! На, возьми свою иголку.

Оглянулся Зайчонок, увидел иголку на берегу, схватил и закричал:

- Маснэ, эте —э-э! Вот твоя иголка!

Маснэ взяла свою иголку, и как учила бабушка, сразу ее воткнула в узорную подушечку-игольницу. Потом остригла короткую нитку, пальцами пригладила её конец — заострила и без труда вдела в ушко иголки.

Обрадовалась и говорит ласково иголке:

— Ах ты, умница, миленькая трясогузка с длинным хвостом. Дай-ка, на конце твоего хвостика сделаем узелок и начнём зашивать бабушкин халат.

Маснэ шьёт быстро, а Зайчик помогает ей, придерживает, чтобы халат не скользил.

Только они управились с починкой, выглянул из воды Ёрш и говорит:

— Что же это вы со мною сделали? Вернулся я в своё Ершовое царство, а меня не то что соседи, а даже родные дети-ершата не узнали. Говорят: «Нет, это чужой отец. Наш был с тёмной спинкой и конопатинками по бокам, а этот весь цвета песка». И прогнали меня. Как я теперь без родных детей буду жить?

Плачет Ёрш, стекают его слёзы в реку, темнеет вода и прибавляется. Вот уже тесно стало ей в реке, она полезла на берег, где похаживал Зуёк-береговушка. Взглянул Зуёк на большую воду и подумал: «Видно, вернулась весна». С перепугу взмахнул он крылышками и запел звонко свою весеннюю песенку про талую воду:

Тял вить,тял вить!

Витя тял, витя тял!

А вода всё прибывает, заливают зелёные береговые травы, грозит затопить птичьи гнёзда.

Напугались Маснэ с Зайчиком, побежали к Ершу и попросили его:

— Ёрш, не плачь, пожалуйста, сейчас тебе сошьём новый ха

лат с красивыми узорами.

Тут вернулась с рыбалки бабушка и показала, как шить. И вскоре халат был готов и надет на Ерша. Он посмотрел на своё отражение в воде, радостно заулыбался: очень ему понравился халат с ершовыми узорами.

Он сказал Маснэ и Зайчонку: «Спасибо!» — и ушёл в глубь реки.

Вода в реке посветлела и вошла в свои берега.

Бабушка посмотрела на иголку в игольнице и сказала:

— И мала, и хрупка, а сила в ней велика.

Умная сова

Мансийская сказка

Сидели однажды Верхний дух Топал-Ойка с женой у окна своего дома. Жена сказала:

— Ты кто, Топал-Ойка?

— Как кто? Верхний дух.

— А если ты Верхний дух, почему же в таком плохом доме живешь?

— Чем же наш дом плох? — удивился Топал-Ойка. — Мне наш дом нравится.

— У людей точь-в-точь такие же дома. Это для Верхнего духа стыдно. Построй новый, просторный, высокий, чтобы все удивлялись, все его хвалили.

— Из чего же я такой дом построю? — спросил Верхний дух Топал-Ойка.

— Хорошо бы из костей, — посоветовала жена.

— Да где же столько костей взять?

— Очень просто, — отвечает жена. — Собери всех зверей, птиц, рыб и убей. На новый дом костей хватит.

— Что ж, это можно, — говорит Топал-Ойка. — Так и сделаем.

Рыб собирать щуку послал. Зверей — юркого горностаю. Птиц созывать велел длинноногую куличку.

Немного прошло времени — приплыли рыбы, прибежали звери, прилетели птицы. Вышел Топал-Ойка, пересчитал всех и говорит:

— Звери все тут, рыбы все. А птицы не все — совы не хватает. Ты, куличок, сову видел?

— Нет, не видел, — куличок отвечает.

— Ну, беги, найди ее, — говорит Топал-Ойка. — Убивать, так всех сразу.

— Побежал длинноногий куличок сову искать. Долго искал, наконец нашел. Она на высоком кедре сидела.

— Ты что, сова, сидишь? Разве не слышала, тебя звали.

— Кто звал?

— Топал-Ойка, Верхний дух. Он всех рыб, птиц, зверей собирает.

— А зачем?

— Всех убьет. Из наших костей новый дом построит. Старый дом жене Топал-Ойки не нравится.

— Ах, вон оно что! — говорит сова. — Ну, тогда ты иди, я потом прилечу.

Куличок обратно побежал.

— Нашел, — отвечает куличок.

— Где же она?

— На кедре сидит. Говорит, потом приду.

Ждут, ждут сову — не летит. Топал-Ойка опять куличка посылает.

— Беги скорей. Что ее так долго нет?

Побежал длинноногий куличок.

Сова все еще на кедре сидит.

— Что ж ты не идешь? — кричит куличок. — Все тебя ждут.

— В таком деле торопиться незачем, — отвечает сова, — еще немного подумаю. И за себя, и за вас мне думать приходится, раз вы сами не умеете. Иди, я следом за тобой полечу.

Побежал назад куличок, от усталости еле дышит. Отдышался, сказал:

— Сова следом за мной летит.

Опять все ждут сову. А ее нет и нет. Рассердился Топал-Ойка на куличка.

— Беги за совой, да смотри, без нее не возвращайся!

В третий раз пустился куличок. А сова еще лапами

по ветке не переступила. Как сидела, так и сидит. Куличок ей говорит:

— Ноги меня уже не держат, не могу больше за тобой бегать. И Топал-Ойка гневается.

Сова взмахнула крыльями, сделала круг над куличком.

— Видишь, лечу. А ты уж в последний раз, не жалея ног, беги вперед да скажи, пусть жена Топал-Ойки окно в доме растворит.

Прибежал куличок.

— Сова за мной летит. А вы окно в доме распахните — так она сказала.

Распахнули окно. Тут как раз и сова явилась. Села на окно, хвостом внутрь дома, клювом — наружу.

— Ты где пропадала? — спрашивает Топал-Ойка.

Сова молчит.

— Что ты молчишь? — сердится Верхний дух.

— Я думаю, — отвечает сова.

— О чем же? — спрашивает Топал-Ойка.

— А вот думаю: чего на земле больше — сухих деревьев или зеленых?

— Глупо ты думаешь, — говорит Топал-Ойка. — Зеленых деревьев на земле больше.

— Ха! — говорит сова. — Так только кажется. А я считаю: если у дерева сердцевина высохла, оно все равно скоро засохнет, хоть еще и зеленое.

— Это ты правильно говоришь, это ты умно думаешь, — сказал Топал-Ойка. — Уж раз начало дерево сохнуть высохнет, ничего не поделаешь!

— И еще я думаю, — говорит сова, — если взять всех птиц, рыб, зверей, кого среди них больше: живых или мертвых?

— Ясное дело — живых, — отвечает Топал-Ойка, — зачем и спрашивать?

— Вот и нет, — говорит сова. — Ты собрал нас тут, чтобы убить, себе новый дом построить. Мы уже все равно что мертвые. Скоро совсем живых не будет.

— Так и есть, — закричал Топал-Ойка. — Как раньше не догадался!

Сова опять молчит. И все молчат. Наконец Топал-Ойка не вытерпел:
— Неужели ты думать не кончила?
— Не кончила, — отвечает сова. — Как по-твоему: кого на свете больше — мужчин или женщин?
— Тут и думать не надо, — засмеялся Топал-Ойка.
— Мужчин больше. Что, не правда, скажешь?
Сова покачала головой:
— Это как считать! Рассуди сам: если мужчина чужим умом живет, можно его назвать мужчиной?
— Не мужчина такой человек, сказал Верхний дух.
А это ведь ты о себе говоришь, Топал Ойка, сказала сова. — Не мужчина ты!
— Как это не мужчина?! — закричал Верхний
— А вот так! Когда зверей, птиц, рыб создавал никого не спрашивал. Тогда был мужчиной. Теперь глупую свою жену послушался. Из-за ее прихоти хочешь нас всех погубить. Меня-то не убьешь, я нарочно села: хвост назад, клюв вперед. Взмахну крыльями и улечу. Всем, кого ни встречу, кричать буду: не мужчина Топал-Ойка, умом глупой женщины живет!
Стыдно стало Топал-Ойке.
— Подожди, не улетай! — сказал он сове — рыбы, птицы, звери, идите откуда пришли. Не буду вас убивать. Мне и в старом доме хорошо. А жена хочет.
Обрадовались все. Рыбы уплыли, птицы улетели звери убежали.
А сова сидит, желтыми глазами светит.
— Ну, что скажешь, сова? — спрашивает Топал-Ойка. — Теперь не будешь про меня говорить, что я не мужчина?
— Теперь, пожалуй, не буду, — сказала сова.
Верхний дух Топал-Ойка очень обрадовался.

Ворона и сорока

Мансийская сказка

Давно это было. Однажды весной, ворона из теплых краев прилетела и повстречалась с сорокой. Поздоровались они, поцеловались и разговор завели. Вещая ворона стала рассказывать о своем дальнем странствии, а сорока внимательно слушала подругу. Послушав ворону, сорока со вздохом сказала:

— Ворона, наверное, ты только и ждешь, когда настанут холода. Полетишь в теплые края, только хвостом махнешь, а меня каждый год оставляешь присматривать за твоими птенцами. Я, бедная сорока, сколько мук терплю с ними. Никто за это и спасибо мне не скажет.

— Сестрица, откуда мне знать, как вы тут без меня живете — здравствуете ли, бедствуете? — с сожалением отвечала ворона.

— Да я-то живу без нужды, без бедствий, — хвасталась сорока. — Вот детеныши твои без тебя так страдают, а ты этого не знаешь.

— Почему они так сильно страдают? — спрашивала ворона.

— Детеныши твои чуть с голоду не помирают, качает их от бескормицы. Мне их жаль становится, я от себя куски отрываю и отдаю им, — жаловалась сорока и тут же хвасталась. — Я есть я! Я все могу! Если бы не я, твои дети с голоду бы померли.

— Но, сестрица, они ведь живы и невредимы, — сказала ворона. — Если бы они вправду голодали, то и до весны бы не дожили, — удивлялась ворона.

— О, великий Торум! Сестрица, зачем ты так говоришь? Ведь твои птенцы едва с утра до вечера доживают, — говорила сорока.

Сорока в сердцах закричала на ворону:

— Ты же сама знаешь: землю снегом покрывает, земля замерзает! Где же здесь твоим птенцам пищу найти? Если бы не я, они бы голодали. Как-то ведь им надо жить!

Тут ворона возразила:

— Если ты так хорошо живешь, то почему на помойных ямах каждую весну сидишь?

Сорока ничего не ответила. Стыдно ей стало, и она молча улетела от вороны. Ворона с тех пор много путешествовала, много рек и земель облетала, но всякий раз возвращается. А сорока больше никого не ругает, ни о ком не говорит плохо и больше не хвалится перед другими. Ворона больше не садится с ней разговаривать. Так они и теперь живут.

Большое путешествие маленького мышонка

Однажды маленький мышонок отправился путешествовать. Бабушка-мышь напекла ему в дорогу лепёшек и проводила до выхода из норки.

Вышел мышонок рано утром, а вернулся к вечеру.

— Ой, бабушка! — закричал мышонок. — Оказывается, я самый сильный, самый ловкий, самый храбрый во всей тундре! И до сих пор этого не знал!

— Как же ты это узнал? — спросила бабушка.

— А вот как, — принялся рассказывать мышонок. — Вышел я из норки, шёл, шёл и пришёл к морю. Море большое-пребольшое, волны по нему так и ходят! Но я не испугался, бросился в воду и переплыл море. Даже сам удивился, до чего же я хорошо плаваю!

— Где же твоё море? — спросила бабушка.

— На восток от нашей норки, — ответил мышонок.

— А, знаю я это море, — сказала бабушка. — Недавно там проходил олень, топнул ногой — след остался, а в следе застоялась вода.

— Да-а? — сказал мышонок. — Ну тогда послушай, что было дальше. Обсушился я на солнышке и пошёл. Вижу — стоит гора, высокая-превысокая. Деревья на её вершине за облака цепляются. Не обходить сам удивился, как я высоко прыгаю!

— И гору твою я знаю, — сказала бабушка. — За ямкой с водой есть кочка, а на ней растёт трава.

Мышонок вздохнул, но продолжал рассказывать:

— Иду я дальше, смотрю - дерутся два медведя, белый и бурый. Ревут медведи, друг другу кости ломают. Но я не испугался, бросился между ними и раскидал их в разные стороны! Даже сам удивился, что один с двумя медведями справился!

Бабушка призадумалась, а потом сказала:

— Вот кто твои медведи — белая моль да муха.

Тут мышонок горько заплакал:

— Выходит, я не сильный, неловкий и не храбрый... Переплыл олений след, перепрыгнул кочку, раскидал в стороны моль да муху. Только и всего! Но бабушка засмеялась и сказала:

— Для такого маленького, глупенького мышонка и след копыта — море, и кочка — гора, и моль с мухой — медведи. Если ты всего этого не испугался, значит, ты и вправду самый сильный, самый храбрый и самый ловкий во всей тундре.

Про Северный ветер

Мансийская сказка

Луи-вот-ойка — Северный ветер в низине за морем жил. День и ночь, не переставая, дул. Оттого на земле очень холодно было. Люди от Северного ветра страдали, а он зиму и лето все дул и дул. Каждый день люди от холода умирали.

Однажды один человек сказал:

— Пойду в низовую землю к Северному ветру. Буду с ним биться.

Собрался и пошел. Долго, коротко ли шел, до низовой земли добрался. К Северному ветру пришел, на бой его зовет. Северный ветер лук и стрелы схватил, из дома выбежал.

Долго бились, долго друг в друга стрелы пускали. Под конец человек изловчился, лук натянул, стрелу пустил. Стрела ветру половину нижней челюсти разбила.

С этой поры ветер дуть перестал. Стало тепло. Такая жара настала, что люди от нее болеть стали. И зиму, и лето — все тепло. Каждый день люди от жары умирали.

Много ли, мало времени прошло. Ожил ветер, подувать начал, челюсть у него заживать стала.

Но прежней силы у Северного ветра все же не осталось. Вполовину прежней силы лишь дует. Людям с той поры хорошо жить стало. И ветру они научились радоваться.

Старик в перьях

Мансийская сказка

Жила в таежной деревушке семья промысловика. Мужика Петрч звали, жену — Полкей, а сына — Югор.

Однажды по первому снежку взял Петрч лук и стрелы с деревянными шишечками вместо острия. Белок такими добывают.

Миновал охотник поле, идет лесной тропой. Тропа прямая, далеко бор просматривается. Петрч видит: впереди кто-то есть. Зверь-не зверь, вроде как старичок ростом с аршин. Только не шабур, не одежда на том старике, не шапка, а все перья. Почуял он охотника, бежать хотел, в бороде запутался. Прибавил Петрч шагу, тот в перьях споткнулся, упал.

Птичий свой хвостик показал.

Подошел промысловик, подивился чуду в перьях.

— Возьму домой, — решил. — Авось, на что-нибудь сгодится. Принес в охотничьем мешке и запер в кладовой. Ключ Полкей отдал, наказал:

— Покуда не любопытствуй. Береги ключ. Я поеду народ созывать чудо глядеть.

Вот Полкей дома хлебы печет, мясо-рыбу варит, а сын Югор возле кладовой из лука стреляет. Каждый мансийский мальчик метким охотником с детства становится. Прицелился Югор повыше оконца, а стрела возьми да и влети в кладовку.

Подставил Югор чурку, заглянул в окошечко:

— Дедушка в перьях, отдай стрелу.

— Я бы подал, — отвечает пленник, — высоко оконце, а я низенький. Отвори дверь, стрелку твою вынесу.

— Нельзя, убежишь, — испугался Югор. — Отец народ созовет, кого смотреть будут?

— Им глядеть, а мне взаперти сидеть? — говорит старичок. — Отпусти, не жалко разве? Видал, какой я седой да немощный.

Заплакал Югор.

— Я бы выпустил, ключ у матери на шее.

— Не плачь тут, — учит старичок. — Плачь возле матери. Проси ключ поиграть.

Так и сделал мальчик. Открыл замок, старику на дорогу каравай дал, а Старик в перьях его обнял и говорит:

— Как невмоготу станет, меня вспомни.

Захлопал в ладошки — и нет его.

Успел Югор три раза стрелу выпустить, приехал отец на коне. С ним родня, знакомые из близких павылов. Кто в телеге, кто верхом. Полон двор народу.

Открыл хозяин кладовую — пусто. С яркой лучиной углы, полки и потолок осмотрел. Нету чуда в перьях, нет старика. Как не бывало. Даже перышка не обронил.

Рассердился Петрч на жену. Вышел к народу, сказал как есть и спрашивает:

— Полкей вас обманула, как ее наказать?

Услышал это Югор и признался, что он пожалел Старика в перьях и выпустил.

Тогда отец прогнал сына, велел ему бродить по свету десять лет. Самому кормиться, самому ума набираться. Дали сородичи Югору в провожатые ленивого хитреца, который в деревне ни на что не был годен. Только ел да спал.

И пошли Югор да хитрец по мансийской земле. Идут борами — Югор охотится. Мясом спутника кормит, себя не забывает. Речку встретят — Югор рыбачит. Ягодники попадаются — мальчик ягоде поклонится. Где зима их настигнет — Югор избушку ставит. Всю зиму в лесу промышляет, а хитрец чувал топит.

Много раз невмоготу бывало мальчику, однако, не звал он Старика в перьях. Пораскинёт умом, соберется с силой, глядит — сам одолел. В другой раз смелее идет.

Так семь зим в мансийских урманах мальчик охотился. По речкам весь отчий край исходил Югор.

Спутник-хитрец ему говорит тогда:

— Пойдем к Студеному морю. Там охотиться легче легкого, оленей много пасется.

Согласился Югор. По Большому Камню ушли летом навстречу северному ветру. Охотился Югор дорогой, рыбачил, высоким горам дивился. У Студеного моря на берегу олени стада увидели. Неподалеку чумы стоят, люди ходят.

— Хозяева у оленей есть, — заметил Югор спутнику, — и на этих зверей нельзя охотиться. Назад пойдем. Подыдемся великой рекой, которую ханты Ас называют.

Отправились было берегом назад, хозяева оленей их остановили.

— Что за беда у вас? — спрашивает Югор.

— Мор на оленей. Гоним стада от черной хворы, а хворь следом бежит. К морю пришли, все равно падают олешки.

Хитрец говорит:

— Мой молодой хозяин все может. Собирайте павших олешков в одно место, огородите их. К утру оживут. Потчуют ненцы хитреца жирным мясом. А Югор за изгородью всю ночь горюет:

— Не пропустят нас ненцы в кондинскую сторону, не видать больше Югору деревни своей, ни родителей, которые в обиде из-за Старика в перьях.

Только подумал так — налетел вихрь-буран. Встал перед мальчиком аршинный старичок, сплошь покрытый перьями.

— Какая нужда, мой спаситель?

Рассказал Югор. А старичок расстелил мягкую шкуру на взгорке:

— Ложись, сынок, отдыхай!

Другой шкурой прикрыл.

— К утру хворь оленью изведу. А которые пали, встанут.

Проснулся Югор, ненцы ему подарки несут. Благодарят за труд. Молодежь и дети пляшут, как на празднике. Женщины кланяются Югору, улыбаются, как мать улыбалась. Наготове стоят две олени упряжки в сбруе, искусно украшенной. Каюры нарядные ждут. Хитрец-спутник на передней нарте сидит, угощенье жует:

— До устья Ас-реки доvezут, молодой хозяин!...

...По весне повезли мужики Югора и его спутника вверх по большой реке. Долго везли. Народ ханты увидали. Тут Югор и хитрец-сородич на берег сошли старики-ханты просят их:

— Погостите, молодые манси-мужчины. Наши кормильцы рыбу ищут. По большой воде трудно искать. Голодаем.

Остался Югор. Уток добывает, лосей догоняет всяких рыб находит. Кормит селенье вкусной едой, хитрец — сладкой беседой.

Перезимовали Югор с хитрецом у хантов. Лед по Ас-реке понесло, они засобирались в родную сторону идти.

А у хантов беда. В селенье, где зимовали молодые манси, все дети заболели. Из многих прибрежных юрт гонцы прибежали. Всюду дети-ханты хворают. Шаманы гонцов послали с наказом: пусть гостей не отпускают, пока не помогут прогнать злых духов, болезни.

Хитрец успокоил народ:

— К утру ребятишки у вас и по берегам Ас здоровыми сделаются. Мой молодой хозяин за ночь с детской хворью управится.

Посадили Югора в берестяную юрту, сторожей приставили.

Сидит юноша у малого огня, горюет.

— Вдруг дедушке не под силу детей вылечить?

Не успел подумать — вихрь-буран сторожей раскидал. Встал перед Югором Старик в перьях.

— Какая нужда, мой спаситель?

Сам шкуру стелет, другую наготове держит — укрыть.

Наутро в селенье радость. Югору дары несут, а милее всех подарков ребячьи пляски да беготня вокруг юрты, где Югор ночью со своим старичком повстречался. Отблагодарили ханты юношу Югора, и его спутнику много похвалы досталось.

Повезли ханты своих гостей на праздничной лодке против течения — вверх по большой реке Ас. Долго везли. Покуда народ манси встретили. На Сосьве-реке Югор со спутниками оказались. С мансийской Сосьвы-реки до мансийской Конды-реки болотами, борами все лето шли. К исходу срока, который отец Югору давал, домой возвратились. Жители деревушки встретили путников у опушки. Обнял Югор мать, отца. Своим сородичам до земли поклонился. Толстый хитрец тоже

— Мудрый из дитя в юношу превратился, — старики сказали. — А ленивый хитрец кем уходил, тем и воротился.

С тех давних пор ходит Югор по Северу, которую Югорской землей нарекли. Помогает людям и животным.

Вот что значит - с детства чудо уберечь! Вот что стоит старенького пожалеть! Вот сколько времени добро помнится! Вот как долго дружба живет!

Пусть и сказка об этом не забудется.

Как росла земля

Мансийская сказка

Живут жена и муж на торфяном клочке. Вокруг дома повсюду вода — нет земли.

Однажды с неба послышался гром. Муж из окна смотрит на улицу — сверху с неба летит железная гагара, нырнула в воду искать землю. Была она там долго, вынырнула, никакой земли не нашла. Немного подышала, еще раз нырнула. Когда вынырнула, то на клюве у нее — маленькая крупинка земли.

Жена и муж легли спать. На следующий день встали, с неба снова послышался гром. Муж из окна видит — с неба летит железный лулы, нырнул в воду. Когда вынырнул, ничего у него нет. Немного подышал-подышал, снова нырнул в воду. Вынырнул — снова ничего нет. Немного подышал, нырнул в третий раз. Когда он вынырнул, то у него лопнула кожа на голове от напряжения, а на кончике клюва — небольшой кусочек земли. Он этим кусочком земли мазнул угол стоящего дома на торфяном клочке, а затем поднялся к небу.

Жена и муж легли спать. На следующий день встали — земля выросла на ширину стопы. На второй день встали — земля выросла настолько, насколько может видеть глаз. На третий день жена и муж из окна дома

смотрят — совсем не видно воды, повсюду земля.

Ершишка-воришка

Хантыйская сказка

Жили в одной речке ерши и налимы. Ерши под берегом в омутке, а жирные налимы — в большом омуте, на середине речки. В омуте со дна били студеные родники. Вода крученая. Налимам плавники шевелит, хвосты поворачивает. Налимам нравится! Они хотя и круглы были, однако же, и проворны, и приветливы. Часто к ершам в гости ходили. Мягкие гусеницы и вкусно хрустящие жучки летом с прибрежных деревьев густо сыпались. Налимы приплывут к ершам, под самым берегом лакомятся. Греются на солнышке.

Ерши у соседней зимой отгасивали. Подо льдом в стужу в речке и в озере душно. А где родники — там живая вода, в тех местах легко дышится рыбам, с вот и дружили — спасались род налимов и ершиный народ.

Обенно Ершишка-Торопыжка и Налим-Сладкий: в полоую воду неразлучны были: то в догонялки играют, то в иле ямки копают, личинок ищут, то в холодке отстаиваются или, наоборот, на мели в теплой воде по очереди нежатся, друг друга охраняют. Однажды гуляют наши Торопыжка и Сладкий между корней затонувшего дерева, поглядывают вверх. Видит Ершишка, целый косяк важных налимов будто сильным течением наверх потащило.

- Куда они? Спрашивает маленький ершишка.

- Люди их в гости позвали, — отвечает Налим.

И поскорее залег под корягу.

В другой раз на этом же месте опять друзья увидели, как налимов наверх подняло. Большую компанию! Обидно стало Ершишке.

— Не уважают, — посмеивается Сладкий Сенек. Не за что почитать, - манси про ершей сказывают: неказисты, колючи, голосишки у ершей скрипучи...

Думал-думал Торопыжка, как ему себя и свой ершиный род прославить, чтобы люди о ершах заговорили, захотели бы манси с ершами встретиться.

Ничего придумать не мог. Высунулся из воды. Девчонка на мостках с берестяными ведерками стоит.

— Живи долго, милая девочка! — поприветствовал Торопыжка. — Скажи, за что ваш народ налимов любит?

Девочка наклонилась к самой речке и сказала шепотом, чтобы налимы не слышали:

— Печень-сенек у них вкусная.

— Значит, все дело в печени! — обрадовался простодушный Ершишка.

— Ну, будет у меня налимя печень. У всех ершей сенек появиться.

Разыскал юркий Торопыжка друга. Тот храпит на всю речку. Широко жабры растворяет. Да так широко, что печень виднеется.

Изловчился Ершишка, откусил краешек.

— Как не стыдно! — проснувшись от боли, закричал Налим-Сладкий Сенек. — Отнимаешь у друга самое лучшее.

— Тебе как не совестно! — еще громче в ответ завопил Ершишка-воришка. — Такая большая, на полживота печень, а с товарищем не

поделишься. Я вот решил печень всему ершиному роду дать. Не то что ты, только себя любишь!

— Украл да еще бранишься! — возмутился Налим.

И ударил вора хвостом. Поднялся переполох в большом омуте.

Приплыли на шум косяки налимов, примчались стайки ершей. Каждый своего защищает.

Как принялись налимы хлестать Ершишку хвостами, вон гнать воришку и его род! Полосатыми, в синяках, вырвались ерши, но печень не упустили.

В своем омутке разделил Ершишка кусочек украденной печени. Всем хватило. Велика ли рыбешка!

Тут прослышали рыбаки, что у ершей налимя печень — сенек. Не стало ершиному роду покоя. Наводками его вытаскивают. В плетеные ловушки заманивают. Сачками черпают. На крючки ловят! А налимы с тех пор на ершей сердятся, ершей подкарауливают. Хотят крошку печени назад воротить. Без украденного кусочка — печень нецелая. Оттого неповоротливы налимы сделались. В лентях числятся.

Недаром говорится у манси: от воровства всем беда.

ОЛЕШЕК—ЗОЛОТЫЕ РОЖКИ

Саамская сказка

Как-то летом лепил старик посуду из глины. Много горшков получилось. Надоело ему горшки лепить, решил он для забавы сделать из глины человека. Сделал и поставил у себя под окошком. Потом пошёл к старухе и говорит:

— Смотри, жена, какого я человека слепил!

Старуха глянула в окно — батюшки! Глиняный человек-то ожил! Перепугалась старая, шепчет:

— Что ты натворил?! Неизвестно ведь, что ему в голову взбрёт! Он и убить нас может!

Решили старики в избе спрятаться. Дверь заперли, притаились. «Постучит, постучит, да и уйдёт», — думают. — А на улице слышно: топ-топ, топ-топ — Глиняшка идёт. Подёргал он дверь — заперто, и отошёл. Снова по двору разносится: топ-топ, топ-топ.

Не успели старики дух перевести, глянули, а глиняное чудище в окне лезет. Отнялись у них от страха руки-ноги. Как сидел старик в углу, сети вязал, так и остался на месте. Как сидела старуха на сундуке одежду чинила, так и застыла с иглой в руке.

Влез Глиняшка в дом, оглядело; схватил старика и старуху и съел -с руками, с ногами, с сетями и иглами. Проглотил и потопал на улице!

А по улице девушки с колодца шли. Глиняный человек попросил у них водички напиться. Сняли девки с плеч коромысла, поставил ведра на траву, а сами от страх трясутся, на глиняного болвана взглянуть боятся. Выпил Глиняшка четыре ведра, а потом и девок обеих съел — прямо с ведрами и коромыслами.

А в это время по дороге бабы из лесу ягоды несли. Увидев, что девками стало, бросились бежать. Да где там! Догнал их глиняный человек и слопал вместе с корзинами.

Топают глиняное чудище дальше. За околицу вышел, смотрит — к

берегу рыбаки лодку смолят. Спрятался Глиняшка в кустах, выбрал подходящий момент, когда те перекур устроили, выскочил и быстр побросал их к себе в рот прямо лодкой.

Полежал на бережке, отдохнул опять в путь отправился. Вышел лесу. Смотрит — а там мужики дров заготавливают. Стучат топорами, деревья валят, перекликаются. Не замечают, что к ним глиняный болван приближается. Они и понять ничего не успели, как оказались в животе у чудища.

Доволен Глиняшка: никто от Него не ускользнёт, все его добычей будут

Топал, топал, смотрит — гора высокая, а на горе молодой олень пасётся. Леня Глиняшке на гор лезть, он и говорит оленю:

— Спускайся, я тебя съем!

А олешек с горы ему отвечает горой, рот пошире открой, разбежусь и прямо в рот к тебе прыгну.

Радуетса глиняное чудище.

— Гы-гы-гы! — смеётся.

Вот встал он под горой, рот разинул и ждёт.

А олешек как прыгнет сверху да как даст ему рогами в живот! Бац! — Глиняшка и рассыпался. А все, кого он проглотил, вскочили на ноги и побежали по домам: старик и старуха с сетью, девки с вёдрами и коромыслами, бабы с корзинами, лесорубы с топорами, рыбаки с лодкой.

Так неслись, что даже про спасителя своего забыли.

Прибежали в деревню, опомнились. Нашли олешка, благодарят его, каждый погладить норовит. Принесли девушки золота, а мужики оленю рога позолотили.

С тех пор он Олешек — Золотые рожки.

КАК НА ЗЕМЛЕ ПОЯВИЛИСЬ КОМАРЫ ДА МОШКИ

Селькупская сказка

Поначалу на земле комаров да мошек не было. А пошли они из селения Нарым. Невесть откуда забрёл туда великан-людоед. Питался он лишь тёплой человеческой кровью. Много людей погубил. Все вокруг жили в страхе. Даже богатырь Итте не мог его одолеть: кольчугу людоеда не брали ни мечи, ни стрелы. Не раз ходили мужчины на него войной. Случалось даже убивали великана. Да только он снова оживал и ещё кровожадней становился. «Хитростью, умом надо брать!» — говорили старые люди. А как — и они руками разводили.

Семь дней, семь ночей думал богатырь Итте, как людоеда одолеть. На восьмой день велел людям собрать в лесах пьяный гриб — панг, ядовитые грибы и сделать из них отвар. А сам отправился охотиться на медведей: кровь у них, известно, как у людей, только не простая, а богатырская.

Добыл Итте медведей, большой котёл крови нацедил. Влил туда ядовитый грибной отвар, поставил разогревать и отправил женщин к людоеду сказать: есть-де кровь горячая, да не простая — богатырская. Соблазнился людоед и притопа." Одним махом весь котёл осуши-

Похвалил женщин, Итте по плеч? похлопал. Весело ему стало, чуть в пляс не пошёл, но вдруг сник, закачался. Однако ничего не заподозрил от пьяного - то гриба ему по прежнему весело было.

— Много я, наверное, выпил." Что-то жарко стало...

— А ты сними кольчугу, отдохни. Я постою на страже,— предложил Итте.

Совсем опьянел людоед — еле стянул тяжёлые доспехи. Свалился и тут Итте отрубил ему голову.

Старики сказали:

- Как бы не ожил он ночью. Сжечь его надо!

Разломали люди жилище людоеда, дров натаскали, развели огромный костёр. Первым делом бросили туда голову людоеда. А из огня вдруг послышалось:

— Ветер разнесёт мой пепел и каждая пылинка будет сосать вашу кровь! Из века в век!

И верно: каждое лето из пепла великана-людоеда возрождаются тучи комаров да мошек и нет от ни спасения ни людям, ни животным.

ГЛУХАРЬ И ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

Нивхская сказка

Наступила осень, и дикие лебеди стали собираться в стаи, чтобы на зиму лететь в тёплые страны. Сначала взвилась высоко над землёй одна стая, за ней вторая, третья, и скоро целая вереница белоснежных птиц полетела под облаками к большому тёмному лесу, что тянулся до самого моря.

Последняя лебединая стая осталась на озере, но и она была уже готова к полёту.

Запросился с лебедями в дальний путь и молодой глухарь. Но лебеди не хотели брать его с собой.

— У тебя не хватит сил лететь через моря и горы,— говорил ему старый лебедь.— И на наших крыльях ты не сможешь удержаться на такой высоте. Подумай об этом!

Но глухарь ничего не хотел слушать. Он мечтал быть таким же сильным, как лебеди, и побывать в дальних краях. Слезы лились у него в три ручья, и он жалобно продолжал просить:

— Возьмите меня с собой, добрые красивые птицы! Возьмите!

Тогда старый лебедь сжалился над ним и велел сплести тонкий шнур из гибкого лозняка и камыша. Дружно взялись лебеди за работу, и скоро был сплетён прочный шнур. За один его конец ухватился молодой лебедь, а за другой — глухарь.

Вот лебеди плавно поднялись в небо и вытянулись далеко на горизонте узкой белой лентой. Вслед за Целый день лебеди летели быстро, но всё-таки медленнее, чем обычно: ведь они жалели глухаря.

К вечеру поднялся встречный ветер, и глухарь начал выбиваться из сил. Шнур от порывов ветра натягивался, как струна, и глухарь, задыхаясь от усталости, судорожно махал крыльями. Сердце его трепетало от страха, из глаз лились слёзы, из клюва сочилась кровь.

«Ах, зачем я напросился лететь в такую даль,— в отчаянии думал

он.— Мы уже отстаём от лебединой стаи, скоро я не выдержу, упаду и разобьюсь. Что же мне делать?»

Старый мудрый лебедь почувствовал неладное. Он знал, что сейчас вся стая летит над большим лесом, но скоро суша кончится. «Пока не поздно, нужно спасти жизнь глухарю!»— решил лебедь.

И вот по его знаку вся лебединая стая стремительно начала спускаться и скоро очутилась на ровной лесной поляне. Вслед за ней упали на землю молодой лебедь и глухарь. У глухаря был жалкий и несчастный вид. Он лежал на земле, беспомощно распластав крылья, и молодой лебедь заботливо склонился над ним.

— Эх, дружище,— сказал он,— хотелось мне помочь тебе, но теперь ты сам понял, что не у всякой крупной птицы такие могучие крылья, как у нас, диких лебедей. Вот тебе на память от меня несколько белых перьев, пусть они навсегда останутся с тобой.

Глухарь поднял голову, благодарно посмотрел на молодого лебедя и залился слезами.

Лебеди давно улетели, а он всё плакал и плакал, потому что понял: не летать ему с ними никогда. От слёз покраснели глаза у глухаря, да так и остались красными.

ПОХИЩЕННАЯ ПЕСЕНКА

Эскимосская сказка

Наступила весна. Из тёплых стран вернулись на скалы у Берингова пролива пуночки. Две пуночки свили себе гнездо у самого моря.

Пуночка-мать снесла яйцо и принялась высиживать птенца. Чтоб его холодным ветром не продуло она, даже с гнезда слетать боялась. От дождя его собой прикрывала недосыпала, недоедала.

Наконец из яйца вылупился птенчик. Да такой славный, такой пригожий! На всём побережье вряд ли найдётся птенец красивее. Одно плохо — криклив очень.

Родителям с ним и вправду не когда было ни попить, ни поесть ни поспать. Когда отец на охоту отправляется, мать баюкает сыночка. Если мать отлучится, отец над ним хлопочет.

Вот однажды пела пуночка-мама сыну песенку:

Чьи-чьи это маленькие лапки?

Чьи-чьи это маленькие крылышки?

Чья-чья это маленькая головка?

Чьи-чьи это миленькие глазки? Чьи-чьи, чьи-чьи?

Летел мимо ворон, услышал песенку, сел неподалёку и стал слушать. Слушал, слушал - заслушался. Так понравилась ему эта песенка, что словами не выразить. Стал он просить пуночку:

- Подари мне песенку! Отдай песенку!

- Что ты! - говорит пуночка. Не могу отдать. Одна она у нас

- Очень тебя прошу, - уговаривает ворон. - Я теперь без этой песенки жить не могу!

— И мой сынок без песни не может. Не проси не отдам!

Рассердился ворон:

- Добром не отдашь – силой заберу! — Добром не отдашь — силой заберу!

Налетел на пуночку, вырвал у неё песенку и улетел.

Тут пуночка-сынок раскричался. И пуночка-мать заплакала.

Вернулся пуночка-отец с охоты. Смотрит — сынок кричит, жена слёзы льёт.

— Что с вами?—спрашивает. -Беда какая случилась?

— Страшная беда,— отвечает пуночка-мать.— Налетел ворон, унёс нашу песенку. Теперь сынок ни за что не заснёт, весь исплачется! Как жить будем?

Разгневался пуночка-отец, глазами засверкал, ногой топнул.

- Подай мои охотничьи рука вицы, мой боевой лук, мои меткие стрелы! Полечу искать обидчика, из горла у него песенку вырву!

Летел он, летел, много разны: птиц видел, да всё не вороны... То куропатки меж камней бегают, то ржанка насвистывает. Наконец увидел на скалах целую стаю ворон! Сел невдалеке, наложил стрелу на, лук, натянул тетиву, ждёт. Кто его песенку запоёт — тому и стрела.

Однако вороны своими делами занимаются. Старики на солнышке греются, старухи меж собой судачат молодёжь игры затеяла. Парни вороны своим милым что-то на ушко нащёптывают. И никто песен не поёт — ни своих, ни пуночкиных. Каркнул разок-другой — разве это песня?!

Полетел пуночка-отец дальше Летал, кружил, видит — сидит на дереве ворон. Клюв вверх задрал глаза закрыл, раскачивается из стороны в сторону и поёт:

Чьи это маленькие лапки?

Чьи это маленькие крылышки?

Чьи это маленькие лапки?

Чьи это маленькие крылышки?..

- Вот он, злодей! Вот он, похититель лучшей в мире песенки! - сказал пуночка-отец.

Сел на ветку того же дерева, натянул тетиву, пустил стрелу в ворона. Скользнула стрела по твёрдым маховым перьям и на землю упала. Ворон даже не заметил, глаз не открыл. Поёт-заливается.

Тогда пуночка-отец выхватил из колчана все стрелы, сколько было, и начал пускать в разбойника сразу по четыре стрелы.

А ворон всё поёт:

Ой, чьи это маленькие лапки? Ой, чьи это маленькие крылышки?

Ой-ой, что-то мне попало в бок!

Ой, чья это маленькая головка? Ой, что-то меня колет!

Ой-ох! Ох-ой! Не могу больше! Кар-кар-р!

И выпустил песенку из клюва.

А пуночка-отец схватил её и полетел скорее к своему гнезду.

Подлетает, слышит — сынок кричит, жена плачет.

- Не кричите, не плачьте,— говорит им пуночка-отец.— Я отнял нашу песенку у злого ворона. Вот она!

Обрадовалась пуночка-мать, запела песенку. Утих сынок, заснул.

С тех пор пуночки, едва завидят, что ворон мимо летит, замолкают. Боятся даже клюв раскрыть. Вот песенка и сохранилась. И сейчас пуночки поют её своим детям.

МИРЭГДЫ

Эвенкийская сказка

Говорят, когда-то давным-давно жил на этой земле великан Мирэгды. Был он такой огромный, что его меховые сапоги, как два чума, в снегу стояли. Головы у него совсем не было. Рот выше груди открывался, а глаза возле плеч блестели. Охотился великан на диких оленей и лосей.

Мирэгды был добрым и никого не обижал, но люди боялись одного его вида и те места, где он кочевал, обходили стороной.

Однажды в непогоду попал к нему эвенк-охотник. Мирэгды обрадовался гостю, сварил пять лосей и стал угощать его жирным мясом. Эвенк-охотник ел, как все обычные люди, а Мирэгды толкал в рот целую лосиную лопатку.

Вот Мирэгды наелся и уснул.

Как только великан уснул, эвенк-охотник взял его рукавицу и поволок к своему стойбищу, чтобы показать людям и похвастаться.

Утром великан проснулся и не нашёл свою рукавицу. Вышел он из чума, увидел след рукавицы, которую тащили волоком, и говорит:

Сказав это, безголовый великан Мирэгды стал на лыжи и ушёл на небо к звёздам.

С тех пор эвенки называют его Небесным охотником, а его след на небе — Млечный Путь — Лыжнёй Небесного охотника.

Эвенк, который украл рукавицу, был наказан. Хэвэки — дух-творец жизни на земле — приказал ему три раза обежать вокруг чума Мирэгды. Жилище великана было таким большим, что эвенк обежал его три раза и умер. А чум великана Мирэгды превратился после этого в гору.

Воровство с тех пор считается большим грехом и позором.

Чинк и Ча

Селькупская сказка

Жил когда-то очень давно на берегу большой реки богатырь. Звали его Чинк. Молодой был, красивый, высокий и стройный. Людям всегда добро делал: добычей делился, слабых защищал, старых уважал. Все его любили.

Шёл однажды Чинк по своим делам и повстречал красавицу по имени Ча. Хороша была девушка и на все руки мастерица. Одежду из оленьих шкур сшить, чум поставить, еду сварить, грибов-ягод набрать, детей плачущих утешить — всё умеет.

Отдал ей своё сердце Чинк. И она его полюбила.

Встречались Чинк и Ча тайком — боялись, что узнают про это братья девушки — Ныльчи, Эли и Тарсур. Не хотели они родниться с богатырём Чинком: он ведь не богат. Они нашли сестре другого

жениха — богатыря по имени Секуллы. Он уже им большой выкуп принёс за сестру.

Встретятся Чинк и Ча — и обо всём на свете забудут. Гуляют, пока звёзды на небе не покажутся.

Узнали про их любовь братья девушки, разгневались. Сговорились они с Секуллы погубить богатыря Чинка. На Синем озере, где Чинк и Ча встречались, засаду устроили.

Вот на середину озера выплыла лодка, а в ней Чинк и Ча — песню любви, песню верности поют.

Злые братья и Секуллы стрелы в луки вставили, тетиву натянули.

Вдруг тьма опустилась на землю. Сверкнуло копьё Нума, и голос его загредел в небе, проклиная злобу людскую.

Пожелтели от страха листья на деревьях, стали на землю падать. Холодный ветер подул.

Заплакало солнце. Слезы так и полились из его глаз. Но от холода превратились эти слёзы в снежинки и на землю легли. Всё вокруг засыпало. От снега стало светлее.

Увидели тогда братья девушки и богатырь Секуллы, как поднялись с середины озера две большие белые птицы. Прекраснее их не было на земле птиц! Как заворожённые смотрели братья и Секуллы на удалявшихся от них лебедей.

Закричала одна из птиц: «Чинк!» Другая ей ответила: «Ча!» Они становились всё меньше и меньше и наконец совсем скрылись из виду.

Сразу стало очень холодно.

Заволновались братья, закричали, руками замахали. Смотрят — а это и не руки у них, а крылья. Махали-махали руками-крыльями да и превратились в серых ворон. Оглянулись, а на большой лиственнице у берега чёрный ворон Секуллы сидит.

С тех пор на землю осень и зима приходять стали. И каждый раз, когда лебеди — чинкча — на юг улетают, Солнце за ними спешит.

Семечко

Семечко было маленькое, но умело очень много. Оно сумело всю зиму пролежать в промёрзшей земле и не замёрзнуть. Его не обманули оттепели. Оно лежало тихо-тихо и дожидалось настоящей весны. И когда пришла весна, очень ранняя, но уже настоящая весна, семечко тут же догадалось об этом. Оно проросло, приоткрылось сверху и пустило вниз корни, чтобы есть.

И вот вылез маленький белый росточек. Он был совсем крошечный, но храбро рос и лез из земли прямо вверх. Рос и лез, пока не наткнулся на что-то твёрдое. Это было старое-престарое веретено. Когда-то, лет двести назад, одна бабушка очень любила на этом месте прясть пряжу, сидела на скамеечке и как-то уронила веретёнце в траву, да так и не разыскала его. Хитрая внучка

нарочно спрятала его, ей совсем не хотелось сидеть неподвижно и учиться прятаться, а хотелось убежать с девочками купаться на реку.

Ничего этого, конечно, не знал маленький белый росток. Он просто попробовал прорасти через толстую деревяшку, а когда не получилось, обогнул её и начал опять расти вверх. Рос, рос, пока не наткнулся на что-то твёрдое. Попробовал проткнуть — куда там! Откуда было знать маленькому ростку, что тут лежит старый рваный лапоть. Его сто лет назад потерял в весенней луже маленький Васятка, когда удирал от злых шипящих гусей. Досталось тогда Васятке за утерянный лапоть, но искать там, где паслись злые гуси, Васятка не посмел.

Опять полез вверх росточек, опять обогнул что-то твёрдое. Так обогнул он трухлявую доску от забора, ржавый гвоздь, несколько черепков от разбитых чашек и тарелок. Ему даже надоело. Только начнёт как следует расти кверху — раз! — уже что-то мешает. Он даже несколько раз собирался плюнуть на всё и перестать расти. Но потом отдыхал, собирался с силами и опять рос и рос. Обогнул пуговицу и вылез из земли. И

тут что-то снова ему помешало. Это была папиросная коробка. Но вот подул ветер и унёс папиросную коробку. И впервые росток увидел небо, к которому рос, синее небо и сияющее солнце.

И от радости он расцвёл. Синее небо, милое солнце, тёплый ветер. Ни пчёл, ни жуков не было слышно: очень ранняя весна. Зато слышались голоса, взрослый и детский.

Если бы росток понимал человеческие слова, как понимал он язык света и тепла, он бы услышал:

— Не лезь туда, там грязно! Кому говорят?

— Но, мама, смотри, там цветок! Я хочу его сорвать.

— Испачкаешь ботинки! Если бы ты был в ботах!

— Но, мама, там прекрасный цветок!

— Хватит с тебя цветов, всё равно сорвёшь и выбросишь.

Слушаться надо старших. Не лезь, там грязно!

— Цветок этого, конечно, не понял. Зато он понял, что надо спать, потому что солнце опустилось низко-низко, к самому краю неба, а потом совсем закатилось.

— Утром солнце опять поднялось. И поднял к нему свою голову маленький жёлтый цветок. Он стал ещё ярче и пушистей. Земля вокруг него подсохла. И опять раздались два голоса, взрослый и детский, но только не те, не вчерашние.

— Смотри, смотри! Цветок!

— Не надо рвать его. Жалко. Такой мужественный цветочек!

Вырасти около стройки

Упала тень. Прямо над цветком два глаза, в каждом отражение — по цветку. — Скажи, правда, он похож на солнце? Не на большое, конечно, а на игрушечное. Правда?

Каждый другом силен

Зайчонок с Выдренком друг без друга жить не могли. То Зайчонок бежит к Выдренку, то Выдренок — к Зайчонку. Как-то прибежал Выдренок к другу и зовет его купаться. Зайчонку стыдно признаться, что плавать не умеет, он и говорит:

— Я уже сегодня купался, три раза переплывал реку, до самого дна нырял.

— Ну, тогда пойдем с песчаной горки кататься.

— Туда мне мама запретила ходить. Там волки живут.

— Ну, пойдем полежим, погреемся на валежине, послушаем ее сказки. Там совсем безопасно. Если подкрадутся к нам Лисица или Росомаха, мы с валежины — бульк в воду, и нет нас.

— Тебе хорошо, ты — бульк и ушел под воду, а я как? Я и плавать-то не умею.

— Так ты только что хвастал, что реку три раза переплывал!

— Я пошутил, — сознался Зайчонок.

— Ну, пойдем на валежину, — настаивает Выдренок, — там что-нибудь придумаем.

Пошли они к валежине. Смотрит Зайчонок, лежит она на самой быстрине реки и покачивается. Бегут струи воды через ее вершину, путаются в ее старых ветвях, журчат сердито:

— Лежит колодой прямо у нас на пути: ни проехать, ни пройти.

Только Зайчонок с Выдренком ступили на валежину, а с нее — бульк-бульк мелькнули искорки маленьких глазок-бусинок. Зайчонок испуганно сжался и лапки с места сдвинуть не может.

— Ну, что ты? Иди, иди, не бойся. Это мои братья и сестры отдыхали на валежине, грелись на солнце, на зиму в себя солнечного тепла набирали. Увидели, что мы тоже хотим погреться, и ушли в воду.

Лег Выдренок на валежину, вытянулся, прижался к ней, и цвет его шубы слился с цветом старой валежины.

— А ты, Зайчонок, ложись вон туда, где над валежиной свисают ветки черемухи. Там тебя тоже не будет видно.

Только они улеглись, как из-за поворота реки показался рыбак. Плышет он на своей долбленной лодочке и песни напевает:

*Я на лодке своей по реке родной
Куда захочу, туда поплыву.*

*Рыбы наловлю, мяса добуду
И ягод нарву — детей накормлю.*

— Не бойся. Все выдры здесь отдыхают, и никогда их ни рыбаки, ни охотники не видят, проплывают мимо, — говорит Выдренок.

— А я и не боюсь, — храбрится Зайчонок.

Рыбак плывет возле вершинки валежины. Скребют лодку старые, сухие ветки. Жалеет рыбак валежину:

— Надо же, куда ты, бедная, упала. И лежишь без пользы, только мешаешь.

Рассердилась валежина, ворохнулась, шевельнулась, качнула лодку рыбака, чуть не вывернула его из лодки и молвила:

— Я лежу на воде, а вода лежит на земле. А ей ни одна песчинка, ни одна былинка не лишние. На земле все к месту, все на месте и с великоюпользою. Вот если бы я на себе не качала коротконожек, где бы они отдыхали и грелись на солнце? Как бы они от людей и зверей спасались на своих ногах?

Задумался рыбак и прошептал себе:

— Правду говорят старики наши, что дороги, где бы они не лежали — на земле, на воде ли — многому учат человека.

Проплыл рыбак, Выдренок вскочил на лапки и весело запел:

У рыбака глаза узеньки, А мои круглые, как бусинки.

А я его вижу, а он меня — нет. Я его вижу, а он меня — нет.

Успокоился Зайчонок, смотрит на валежину и спрашивает:

— Что ты, старая, все дрожишь и качаешься?

— О, я когда-то тоже была молодая и красивая, стояла на высоком берегу, у всех на глазах. Солнце отдыхало в моих ветвях, птицы мне песни пели, река сказки волшебные рассказывала.

Но однажды Виткась, злой Дух Воды, подгрыз мой берег, и я упала в воду. Долго я тогда плыла по реке. Налетел на меня ветер, разбежался, взбил воду в волны, разогнал их дикими, белыми оленями. Забросили меня волны на берег, а корни мои засыпали речным песком. С тех пор я качаюсь-качаюсь — не накачаюсь. Рвусь-рвусь — не вырвусь. Плыву-плыву - не уплыву...

Убаюкала валежина зверят, они заслушались ее сказок и не заметили, как вышла из кустов голодная, вся в клочьях, Лиса. Чует она зверят, а увидеть не может.

Заметил ее Выдренок, сказал тихонько Зайчонку:

— Вон к валежине прибило пенек, прыгай на него.

А сам скатился с валежины и скрылся под водой. Прыгнул Зайчонок на пенек, а Выдренок высунул лапки из воды и погнал толчками пенек к противоположному берегу.

Лиса хлебнула от злости воздуха, затыкала:

— Тяв-тяв-ав-ав, как жаль, что сразу не рассмотрела я вас!

Ушла Лиса, повернул Выдренок пенек к своему берегу. Зайчонок прыгнул на берег и убежал домой. Дома запыхавшись он рассказывает маме:

— Ты знаешь, мама, чуть меня Лиса не съела. Спас меня мой друг Выдренок.

— Хороший у тебя друг. Спасибо ему.

— За что спасибо, за что спасибо? Я тоже однажды спас его от горбатого Окуня, — похвастался Зайчонок. — За что тогда я его спас?

— Сынок, добро делаешь — не кайся, а худом не похваляйся, — сказала мать сыну.

